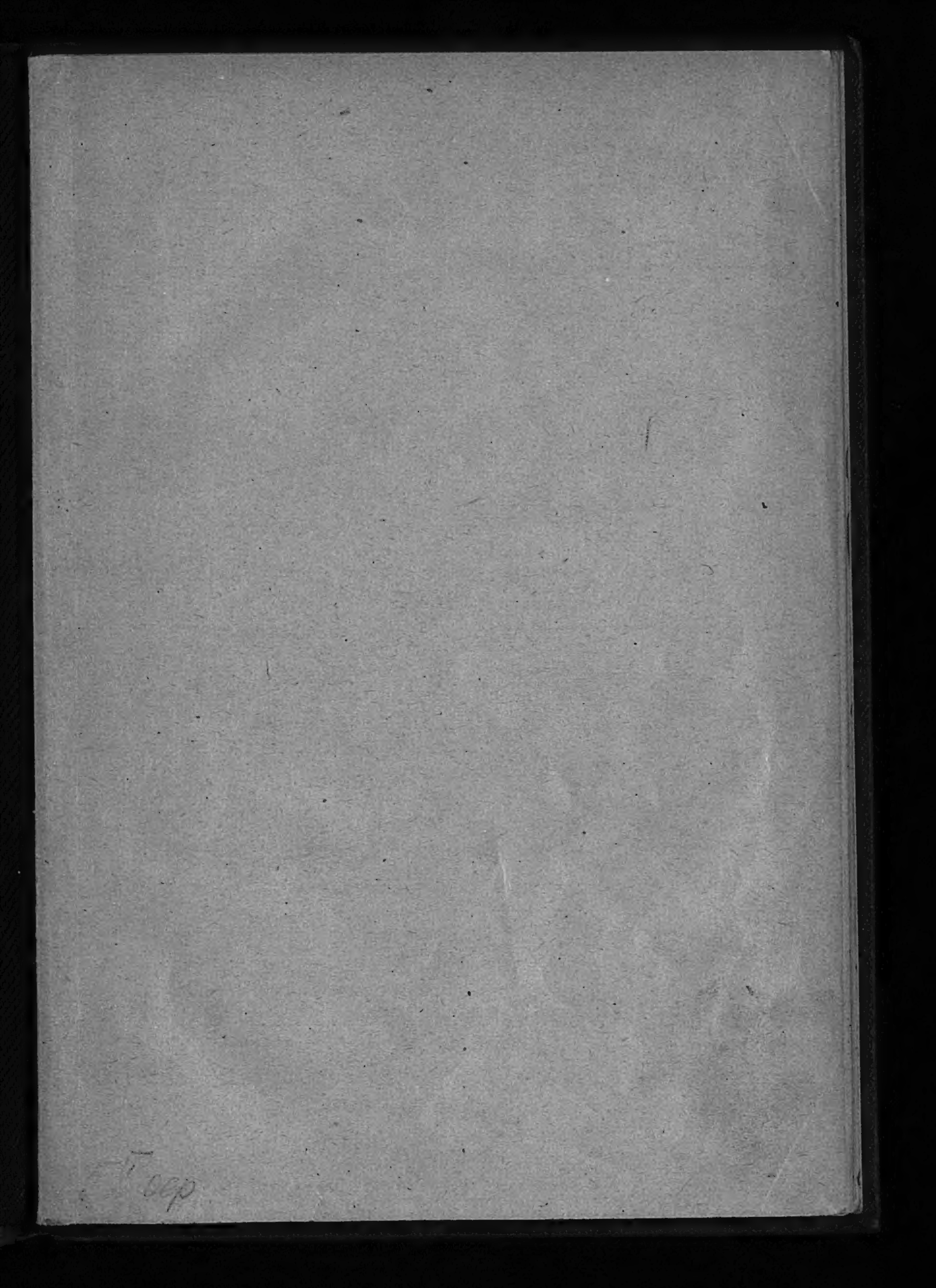

LETTRES SUR LA FAMINE
PAR
G. PLÉKANOFF

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА
Выпускъ десятый

О ЗАДАЧАХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ ВЪ БОРЬБѢ СЪ ГОЛОДОМЪ ВЪ РОССІИ

(Письма къ молодымъ товарищамъ)

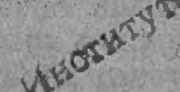
Г. Плеханова

1. Причины голода.
2. Вѣроятныя послѣдствія голода.
3. Наши задачи.

Цѣна 1 франкъ

ЖЕНЕВА
Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“. Route de Lancy, 505

1892

О ЗАДАЧАХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи.

—

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

—

Причины голода.

La carestia russa non é solo il risultato di un cattivo raccolto, essa é una parte immensa rivoluzione sociale che la Russia ha compiuto dopo la guerra di Crimea.

Фридрихъ Энгельсъ (La carestia in Russia, Critica sociale, I aprile 1892).

Дорогіе товарищи,

Вамъ извѣстно современное положеніе дѣлъ въ нашей странѣ. Вы знаете, что почти половина европейской и часть азіатской Россіи поражены ужаснымъ бѣдствіемъ, такимъ бѣдствіемъ, подобнаго которому мы напрасно стали бы искать въ новой исторіи западной Европы. Только въ варварскихъ деспотіяхъ варварской Азіи возможны тѣ потрясающія явленія, которыя во множествѣ совершаются теперь въ нашемъ отечествѣ. Голодный тифъ, голодная смерть, самоубійство отъ голода, убійство близкихъ людей съ цѣлью избавить ихъ

отъ невыносимыхъ мученій, а въ лучшемъ случаѣ полное экономическое раззореніе—вотъ что выпало теперь на долю и безъ того уже совсѣмъ не избалованныхъ судьбой крестьянъ, бѣдныхъ городскихъ мѣщанъ и рабочихъ. При видѣ этого страшнаго положенія чувство отвѣтственности передъ родиной пробуждается даже въ такихъ сердцахъ, которыя никогда еще не сочувствовали народному горю; сознаніе гражданскихъ обязанностей закрадывается даже въ такія головы, вся политическая мудрость которыхъ исчерпывалась правиломъ: бога бойся, царя почитай. Тѣмъ энергичнѣе должны исполнять свою обязанность мы, соціалисты, давно уже открывшіе глаза на бѣдственное положеніе народа и объявившіе рѣшительную, безпощадную войну всѣмъ его эксплуататорамъ.

Теперь, при уходѣ за больными жертвами голода, ежедневно рискуютъ своею жизнью даже такіе люди, на которыхъ мы привыкли смотрѣть съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ на сторонниковъ маленькихъ соціальныхъ („*законныхъ*") полуреформъ, *мирныхъ* дѣятелей, напрасно старающихся вычерпать чайной ложечкой глубокое, безбрежное море народныхъ страданій. Эти мирные—и по правдѣ сказать, очень нелогичные—люди безстрашно исполняютъ свой долгъ, какъ они его понимаютъ. Неужели мы останемся позади нихъ? Неужели *наша* энергія и *наше* самоотверженіе не удесятерятся въ виду настоятельныхъ требованій переживаемаго нами историческаго момента? Если такъ, то надо напередъ помириться съ тою мыслью, что отнынѣ русскіе соціалисты-революціонеры не будутъ имѣть нравственнаго права называть себя самыми неустрашимыми, самыми дѣятельными защитниками народныхъ интересовъ.

Но я увѣренъ, товарищи, что *такъ не будетъ*, что *такъ не можетъ быть*. Русская соціалистическая партія останется достойной своего славнаго прошлаго, и если теперь цивилизованный міръ съ сочувствіемъ слѣдитъ за самоотверженною дѣятельностью нашихъ *легальныхъ* „добровольцевъ", то недалеко время, когда онъ съ во-

сторгомъ станетъ рукоплескать *нелегальнымъ* добровольцамъ, ополчившимся на борьбу съ *общественными* причинами голода въ Россіи.

Что голодъ вызванъ чисто общественными причинами, это ясно какъ день, въ этомъ согласны между собою люди самыхъ различныхъ, даже прямо противоположныхъ направленій. Я привелъ въ эпиграфѣ мнѣніе знаменитаго соціалиста и революціонера Энгельса, который говоритъ, что нынѣшнее бѣдствіе есть часть „огромной соціальной революціи, пережитой Россіей со времени Крымской войны.“ Ниже мнѣ придется ссылаться на „Московскія Вѣдомости“, и увидите, что этотъ вліятельнѣйшій органъ нашихъ реакціонеровъ ищетъ причинъ голода въ общемъ и несомнѣнномъ разстройствѣ русскаго крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ, съ этой стороны серьезные споры невозможны. Разногласія начинаются лишь тамъ, гдѣ заходитъ рѣчь о помощи голодающимъ и объ *устраненіи* причинъ, вызвавшихъ кризисъ. Въ этомъ случаѣ каждая партія смотритъ на вопросъ со своей особой точки зрѣнія и потому естественно приходитъ къ особому рѣшенію.

Въ глазахъ „охранителей“ мы, соціалисты-революціонеры, являемся, въ лучшемъ случаѣ, самыми легкомысленными фантазерами. Наши программы кажутся имъ совершенно нелѣпыми, наши стремленія совершенно неосуществимыми. А между тѣмъ, при менѣе пристрастномъ отношеніи къ дѣлу, они легко могли бы убѣдиться, что послѣдователи современнаго научнаго соціализма чужды всякихъ утопій, и что каждый параграфъ въ ихъ программѣ, каждый шагъ въ ихъ дѣятельности основывается на внимательномъ изученіи дѣйствительности. Въ Россіи, какъ и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, современные соціалисты основываются на научномъ изслѣдованіи общественной жизни и *только на научномъ изслѣдованіи.* Они изучаютъ ходъ историческаго развитія и, ничего не измышляя, ничего не прибавляя отъ себя, они берутъ его за исходную точку своихъ стремленій, которыя въ свою очередь представ-

ляютъ собою лишь сознательное выраженіе безсознательнаго, слѣпого историческаго процесса.

Въ этомъ сила современныхъ соціалистовъ. Руководимые свѣтомъ науки, строгой, безпристрастной науки, которая не щадитъ никакихъ, даже самыхъ дорогихъ людямъ предразсудковъ и не боится никакихъ, даже, повидимому. самыхъ безотрадныхъ выводовъ, они твердо идутъ впередъ, презрительно смѣясь надъ безчисленными ошибками своихъ ослѣпленныхъ противниковъ и заранѣе зная, что имъ и только имъ достанется побѣда.

Внимательное, научное изученіе общественныхъ явленій требуетъ много спокойствія и, если угодно, даже холоднаго безстрастія. Но за то только оно можетъ создать прочную основу для страстной дѣятельности самоотверженнаго политическаго борца, только оно способно предохранить его отъ разочарованій, только оно можетъ выработать такихъ революціонеровъ, которые не упадутъ духомъ отъ частныхъ неудачъ и не смутятся временными успѣхами враговъ. Короче, только оно, только оно одно создаетъ несокрушимыхъ и непобѣдимыхъ дѣятелей, революціонеровъ *и по логикѣ, и по чувству.*

Вотъ почему даже теперь, въ тяжелую годину народнаго бѣдствія, когда такъ трудно разсуждать спокойно и когда, наоборотъ, такъ легко отдаться первому впечатлѣнію, даже теперь, говорю я, мы должны остаться вѣрны духу современнаго научнаго изслѣдованія и ставить себѣ, въ борьбѣ съ голодомъ, лишь такія задачи, которыя не заключаютъ ничего несбыточнаго и ничего фантастическаго. Теперь, какъ и всегда, мы, подходя къ вопросу. должны отказаться отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и разсматривать дѣйствительность, какъ она *есть* и какою она *становится.* Не логика должна служить у насъ чувству, а, наоборотъ, чувство должно слѣдовать указаніямъ логики. Только при этомъ условіи оно не рискуетъ попасть на ложную дорогу.

Я сказалъ, что стремленія современныхъ соціалистовъ представляютъ собою лишь сознательное выраженіе

безсознательнаго, слѣпого историческаго процесса. Если это справедливо вообще, то должно быть справедливо и въ нашемъ частномъ случаѣ. Другими словами, стремленія русскихъ соціалистовъ въ борьбѣ съ бѣдствіемъ, поразившимъ русскій народъ, должны и могутъ быть лишь сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго процесса, называемаго историческимъ развитіемъ Россіи.

Само собою разумѣется, что мы будемъ разсматривать этотъ процессъ лишь съ той его стороны, которая имѣетъ отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Такъ, напримѣръ, намъ нѣтъ никакой надобности касаться здѣсь исторіи русской литературы, или русской науки, или русской, такъ называемой православной церкви. Насъ интересуетъ здѣсь *экономическая* сторона вопроса, и мы имѣемъ право ограничиться ею. Итакъ, мы должны узнать, каковы были тѣ экономическія причины, историческое дѣйствіе которыхъ привело къ нынѣшнему голоду въ Россіи. Опредѣливъ эти причины, мы безъ труда увидимъ, какія средства необходимы для борьбы съ бѣдствіемъ.

Излишне прибавлять, что рѣчь пойдетъ у насъ только о главнѣйшихъ, о коренныхъ причинахъ голода. Второстепенныя и третьестепенныя частности, вполнѣ умѣстныя въ спеціальномъ историческомъ трактатѣ, только увеличили бы безо всякой нужды объемъ нашего изслѣдованія.

Намъ придется начать издалека, а именно намъ нужно кинуть по крайней мѣрѣ бѣглый взглядъ на историческое отношеніе нашего государства къ нашему народу, точнѣе, — къ непривилегированной, „податной“ части народа.

Вамъ извѣстно, конечно, каково было это отношеніе.

Съ незапамятныхъ временъ все государственное зданіе покоилось у насъ на худой, изможденной, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно выносливой спинѣ податного населенія, т. е. преимущественно крестьянства. Государство издавна закрѣпостило крестьянина съ весьма простой и понятной цѣлью его эксплуатаціи. Вводя и усиливая крѣпостную зависимость крестьянъ по отношенію

къ помѣщикамъ, государство лишь передавало „служилымъ людямъ“ свои владѣльческія права надъ землепашцами. Безъ сомнѣнія, никакое государство не можетъ существовать иначе какъ на счетъ производителей, отъ которыхъ оно получаетъ, — или отбираетъ, — средства, необходимыя для отправленія своихъ многообразныхъ функцій. Но никогда и нигдѣ государство не брало у производителей такъ много, какъ брало и беретъ оно въ Россіи. Это объясняется, конечно, не личными свойствами ея правителей, а суровой экономической необходимостью.

Дѣло въ томъ, что благодаря сосѣдству съ западной Европой, русскій крестьянинъ, экономическая отсталость котораго могла бы сравниться развѣ съ отсталостью азіатскаго крестьянина, вынужденъ былъ поддерживать своимъ трудомъ очень сложную и очень дорого стоющую государственную машину. Его расходы на поддержаніе этой машины были гораздо больше соотвѣтственныхъ расходовъ азіатскаго крестьянина. Уже со временъ Грознаго русскій земледѣлецъ стонетъ подъ тяжестью государства, которое раззоряетъ его „*пуще, чѣмъ турки и татары*“. Смутное время было неудачной — и притомъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, заранѣе осужденной на неудачу — попыткой народа сбросить съ своихъ плечъ все сильнѣе и сильнѣе давившее на нихъ государственное бремя. Реформа Петра Великаго въ особенности увеличила это бремя. Со временъ Петра Россія представляла собой такую страну, въ которой на фундаментѣ производительныхъ силъ, не превосходившихъ силъ самыхъ отсталыхъ земледѣльческихъ странъ Востока, покоилось государство, стоившее дороже западно-европейскихъ государствъ, то есть государствъ, сложившихся въ гораздо болѣе богатыхъ странахъ. Поэтому уже со временъ Петра русское государство было относительно самымъ дорогимъ, а русскій крестьянинъ безусловно самымъ бѣднымъ крестьяниномъ въ мірѣ.

Когда русскій солдатъ, этотъ оторванный отъ сохи и одѣтый въ мундиръ крестьянинъ, попалъ во время

войны въ Болгарію, онъ съ величайшимъ удивленіемъ увидѣлъ, что несчастный, замученный нехристями болгаринъ живетъ несравненно лучше его, „свободнаго“ земледѣльца православнаго государства. И это совершенно понятно: варварская Турція никогда не съумѣла бы такъ чисто обобрать крестьянина, какъ обираетъ его европеизированная русская бюрократія.

Что касается земледѣльцевъ западной Европы, то какъ ни кричатъ у насъ, напримѣръ, объ ирландской бѣдности, несомнѣнно, однако, что никогда ирландцы не въ состояніи были бы вынести того, что выносятъ русскіе крестьяне. Сами охранители прекрасно сознаютъ, что бѣдность нашего крестьянина есть нѣчто исключительное и совершенно безпримѣрное. Иногда такое сознаніе выражается у нихъ въ чрезвычайно наивной формѣ. Въ концѣ февраля нынѣшняго года въ „Моск. Вѣд.“ появилась интересная замѣтка подъ названіемъ „Правда объ русскомъ народѣ“. Въ замѣткѣ шла рѣчь о предисловіи извѣстной госпожи Новиковой къ только что вышедшей тогда книгѣ Гарри де-Уинда „Siberia as it is“ („Сибирь какова она есть“). Высказанные госпожей Новиковой взгляды удостоились величайшаго одобренія со стороны реакціонной газеты. „Моск. Вѣдомости“ съ радостью привѣтствовали „этотъ голосъ напоминающій Англичанамъ то простое, но существенно важное обстоятельство, которое не вмѣщается въ головахъ нашихъ нигилизированныхъ философовъ, а именно, что для оцѣнки всего отклоняющагося отъ нормы нужно знать и помнить реальную норму данной страны или народа, а не дѣлать сравненій условій качественно различныхъ“. Но къ чему же сводится указанное г-жой Новиковой „простое, но существенно важное обстоятельство“? Вотъ что сообщаетъ объ этомъ органъ охранителей.

„Россія, говоритъ г-жа Новикова, — это страна стоицизма, укрѣпленнаго христіанствомъ. Это въ концѣ концовъ не плохая школа для формированія характера, но школа суровая. Наша деревенская жизнь полна самоотверженія, тяжкаго труда, лишеній. Въ иныхъ отно-

шеніяхъ жизнь нашего крестьянина такъ сурова, что мы, люди высшихъ классовъ, не способны были бы ее вынести. Какъ тѣсно и темно его жилище, какъ бѣдна его ежедневная пища! И однако люди ведущіе эту жизнь въ общемъ имѣютъ видъ крѣпкій, довольный. Они весело шутятъ, и послѣ долгаго трудоваго дня, съ зари до заката, возвращаются домой съ плясками и пѣснями.

„Понятіе о комфортѣ здѣсь, слава Богу, мало развито. И потому у насъ тюрьма, повидимому очень суровая, оказывается даже черезчуръ комфортабельною. Эта простота и суровость жизни легко можетъ ввести въ заблужденіе иностранца при посѣщеніи имъ неурожайныхъ мѣстностей. Видя обстановку грубую, Европеецъ, особенно не слыхавшій о голодѣ, легко припишетъ ее нуждѣ, тогда какъ она можетъ быть такою же, какъ въ годъ полнаго благосостоянія“ (М. В., № 57).

Изъ этого высокопарно-лицемѣрнаго вздора видно, что по признанію самихъ охранителей государство оставляетъ крестьянину лишь „*пѣсни и пляски*“, и что даже въ годы „полнаго благосостоянія“ этотъ несчастный живетъ при такой обстановкѣ, которая можетъ показаться европейцу результатомъ остраго стихійнаго бѣдствія. Трудно найти лучшее свидѣтельство въ пользу справедливости того, что я сказалъ о положеніи нашего земледѣльца!

Девятнадцатое февраля 1861 г., положивши конецъ помѣщичьей власти, сдѣлало крестьянъ свободными только по имени. Въ дѣйствительности оно лишь перенесло въ другое мѣсто центръ тяжести крѣпостной зависимости бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: изъ крѣпостныхъ по отношенію къ „*барину*“, къ „*пану*“, они стали крѣпостными по отношенію къ *казнѣ*. Подъ весьма благовиднымъ предлогомъ обезпеченія ихъ быта, „освобожденнымъ“ крестьянамъ были навязаны земельные надѣлы, за которые взыскивается выкупъ, значительно превосходящій ихъ стоимость. Не заплативъ этого выкупа, крестьянинъ не могъ оставить свою землю. Онъ остался привязаннымъ къ ней, и какъ плохо

приходилось ему подчасъ на привязи, показываетъ слѣдующій характерный случай, имѣвшій мѣсто въ 1874 г. въ велико-луцкомъ уѣздѣ.

На крестьянахъ названнаго уѣзда накопилось тогда очень много недоимокъ. Правительство нашло нужнымъ послать особую коммиссію для изслѣдованія причинъ этого явленія. Коммиссія нашла, что ни въ одной деревнѣ у крестьянъ не хватало хлѣба для собственнаго продовольствія; что крестьянскія поля оставались почти безъ удобренія, потому что количество скота у нихъ постоянно уменьшалось; что крестьяне нерѣдко платили съ отведенной имъ негодной земли по 2 руб. съ десятины, тогда какъ при вольномъ наймѣ за нее нельзя было бы получить и 50 коп. и т. п. „Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій нѣсколько деревень согласились не вносить въ казну выкупныхъ платежей, а другія самовольно уменьшили ихъ на половину". Разумѣется, правительственная коммиссія вознегодовала. Вотъ какъ описывалъ корреспондентъ ея объясненія съ неблагодарными крестьянами.

„Представьте себѣ, пріѣзжаетъ коммиссія въ одну деревню 2-го участка, неплатившую выкупныхъ платежей съ начала шестидесятыхъ годовъ. Сзываютъ крестьянъ. „Почему не платите?" — Да не за что; земля дурная. — „Ахъ, братцы, увѣщеваетъ мировой посредникъ, да вѣдь вы сами же согласились платить вмѣсто 8 рублей 3; значитъ земля стоитъ же 3 рублей; отчего же вы ихъ-то не вносите?" — Нѣтъ, видимъ теперь, что и трехъ рублей не стоитъ; не изъ чего ихъ платить". Чиновникъ отъ министерства вспылилъ. Ахъ вы такіе-сякіе, да какъ вы смѣете это говорить. Вы думаете, это вамъ даромъ пройдетъ: нѣтъ, отъ васъ землю отберутъ". — А и бери себѣ ее на здоровье, коли тебѣ она нужна, а намъ ея не надо, равнодушно отвѣчаютъ ему крестьяне. — „Не только землю отберутъ, продолжаетъ чиновникъ, но васъ самихъ въ арестантскія роты сошлютъ; вы должны будете тамъ отработать все, что задолжали правительству: не дарить же оно вамъ станетъ." — Въ арестантскія роты? А и въ арестантскія роты нешто; по крайности тамъ кормятъ и одѣваютъ; хоть съ голоду не околѣешь; пущай себѣ и въ арестантскія роты, а платить все же не изъ чего. — „Каковы варвары!" — говорилъ мнѣ чиновникъ, „даже свободой не дорожатъ!..."*)

---

*) Историческіе очерки Россіи со времени Крымской войны до заключенія Берлинскаго договора. Т. II, вып. 2, Лейпцигъ 1879, стр. 150—151.

Этотъ случай прекрасно характеризуетъ ту лицемѣрную комедію, которую многіе добрые, но наивные люди до сихъ поръ называютъ освобожденіемъ русскихъ крестьянъ съ землею. Непомѣрно высокіе платежи за землю, мѣстами совершенно никуда негодную, или розги и арестантскія роты — вотъ тотъ единственный выборъ, который предоставило „свободному" крестьянину будто бы народолюбивое правительство Александра II. И вы только что видѣли, товарищи, что „освобожденный" крестьянинъ иногда вынужденъ былъ выбирать именно розги и арестантскія роты.

Но это еще не все. „Освободивъ крестьянина съ землею", правительство поспѣшило увеличить налоги. Въ 1861 г. доходы государственнаго казначейства простирались до 411.584,000 руб.; черезъ десять лѣтъ они дошли уже до 508.187,600 р., а по росписи на 1891 г. они уже превосходили внушительную цифру 900 мил. рублей.

Абсолютная величина налоговъ, платимыхъ каждымъ даннымъ народомъ сама по себѣ, какъ извѣстно, еще ровно ничего не показываетъ. Все дѣло въ томъ, какъ относятся налоги къ платежнымъ силамъ населенія; если эти силы не велики, то даже незначительные сами по себѣ налоги могутъ очень вредно отзываться на народномъ хозяйствѣ; и наоборотъ, даже очень значительные сами по себѣ налоги могутъ быть взимаемы безъ вреда для хозяйства плательщиковъ, поставленныхъ въ благопріятныя экономическія условія. Со временъ „освобожденія" экономическое положеніе русскаго крестьянина очень значительно измѣнилось *къ худшему*. Отсюда слѣдуетъ, что налоги, взимаемые съ каждой крестьянской „души", стали бы *относительно тяжелѣе* даже въ томъ случаѣ, если бы *абсолютная* величина ихъ осталась неизмѣной. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ они росли съ удивительнымъ постоянствомъ и съ поразительною быстротою, то окончательный результатъ не могъ подлежать сомнѣнію: струна, натягиваемая все туже и туже, должна была, наконецъ, лопнуть; все болѣе и болѣе обираемый крестьянинъ долженъ былъ,

накопецъ. придти въ токое положеніе, когда уже ни кутузка, ни розги не могутъ выбить изъ него ни копѣйки. „Эластичность платежной силы народа имѣетъ свои предѣлы" — почтительнѣйше замѣтилъ однажды Грейгъ. Теперь эти предѣлы для многихъ мѣстностей европейской Россіи уже достигнуты.

Я сказалъ, что экономическое положеніе крестьянъ очень значительно измѣнилось къ худшему со времени реформы 1861 года. Это извѣстно всѣмъ и каждому. Но всмотримся внимательнѣе въ ту связь, которую плѣетъ это всѣмъ извѣстное явленіе съ нынѣшнимъ голодомъ.

Припомните, товарищи, какія открытія сдѣлала коммиссія, отправленная правительствомъ въ 1874 году въ велико-луцкій уѣздъ для изслѣдованія причины накопленія тамъ недоимокъ: ни въ одной деревнѣ у крестьянъ не хватаетъ хлѣба для собственнаго продовольствія; количество крестьянскаго скота постоянно уменьшается, а вслѣдствіе этого крестьянскія поля остаются почти безъ удобренія. Но каковъ же могъ быть урожай на поляхъ, остававшихся безъ удобренія? Ясно, что доходность земледѣлія должна была понижаться, а ея пониженіе, раззоряя земледѣльцевъ, должно было, съ своей стороны, причинять дальнѣйшій упадокъ земледѣлія. Рано или поздно—и скорѣе рано, чѣмъ поздно — должно было наступить такое время, когда воздѣлывать землю значило *работать въ убытокъ*.

Обратите вниманіе на слѣдующую таблицу, заимствованную г. Шараповымъ изъ земскаго сборника новоузенскаго уѣзда и относящуюся ко всему среднему Поволжью.

1880 г. — неурожай.
1881, 1882, 1883 и 1884 гг. — урожай.
1885 г. — неурожай, саранча.
1886 г. —неурожай, почти голодъ.
1887 г. — травы хороши. Рожь пропала. Яровое ниже средняго.
1888 г. — то же. раздавали продовольствіе.

1889 г. — травы плохи, рожь пропала; яровые ниже средняго.
1890 г. — урожай хлѣбовъ и травъ плохъ.
1891 г. — **полный неурожай всего.**

Эта таблица показываетъ, что въ поволжскихъ губерніяхъ неурожай сталъ обычнымъ явленіемъ, а урожай представляетъ собою только счастливую случайность. Это, безъ преувеличенія сказать, страшное положеніе. И оно не ограничивается Поволжьемъ. Вотъ, напримѣръ, въ Курской губ., по словамъ губернскаго земства, „почва до того истощилась, что уже не можетъ давать сколько нибудь хорошихъ урожаевъ". Въ такомъ же или почти въ такомъ же положеніи находятся, какъ мы увидимъ ниже, крестьянскія земли по всей Россіи. Но разъ почва „уже не можетъ давать сколько-нибудь хорошихъ урожаевъ", — понятно, что неурожай становится совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ явленіемъ.

Это не значитъ, конечно, что русская земля совсѣмъ отказывается кормитъ земледѣльца. Курское губернское земство утверждаетъ, что „такъ какъ верхній слой земли сильно истощился, то только воздѣлываніе земли глубоко взрѣзывающимъ плугомъ въ состояніи поднять урожай въ губерніи". Но можетъ-ли въ конецъ обѣднѣвшій крестьянинъ обзавестись плугомъ и необходимымъ при немъ рабочимъ скотомъ? Очевидно — нѣтъ. Чтобы дать ему возможность сдѣлать это, надо поставить его въ другія, болѣе благопріятныя условія.

Пріятно ссылаться на людей, которыхъ никто не заподозритъ въ пристрастіи къ нашимъ воззрѣніямъ. Поэтому я съ удовольствіемъ обращаюсь еще разъ къ „Моск. Вѣд." (№ 42), въ которыхъ я нахожу слѣдующія слова одного изъ опытныхъ сельскихъ хозяевъ.

„Нахожу неумѣстнымъ распространяться здѣсь о результатахъ заведенныхъ мною въ полеводствѣ порядковъ, а ограничусь указаніемъ на фактъ, въ дѣйствительности котораго имѣло случай убѣдиться земство чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Въ неурожайный въ Смоленской губерніи 1870 годъ я собралъ на кругъ по

8 четвертей ржи съ казенной десятины, когда мои сосѣди крестьяне, не получившіе даже посѣвныхъ сѣмянъ съ озимаго поля, покупали рожь на посѣвъ по 12 руб. за четверть. Овсяный клинъ въ засушливое лѣто менѣе 10 четвертей съ казенной десятины мнѣ не давалъ, но были участки, гдѣ я собиралъ и больше."

Благодаря лучшему воздѣлыванію, помѣщичья земля давала прекрасные для Смоленской губ. урожаи даже въ годы, ознаменовавшіеся неурожаемъ на истощенныхъ крестьянскихъ земляхъ. Но могутъ ли наши крестьяне практиковать на своихъ надѣлахъ улучшенные пріемы земледѣлія?

„Это вопросъ на который способенъ отвѣтить всякій кто знакомъ съ крестьянскимъ земельнымъ положеніемъ въ Россіи. Тутъ немыслимы ни весенній взметъ пара, ни перепашка ржанаго жнитва въ августѣ. И то, и другое, не можетъ быть допущено деревней изъ-за нужды въ пастбищахъ. Поневолѣ станешь держаться старыхъ пріемовъ въ обработкѣ земли и терпѣть порождаемые ими неурожаи и безкормицу, которые, съ ослабленіемъ плодородія пахотныхъ угодій, будутъ повторяться все чаще и чаще. Какого же ждать тутъ иного исхода кромѣ упадка и полнаго разстройства предоставленныхъ самимъ себѣ русскихъ крестьянскихъ хозяйствъ?" (М. В., № 42)

Въ послѣднихъ словахъ сквозитъ уже намекъ на необходимость опеки надъ крестьянами. Мы еще увидимъ, къ чему приводитъ крестьянина правительственная опека. Теперь же я прошу васъ, товарищи, замѣтить, что и „охранители" понимаютъ всю невозможность сколько-нибудь успѣшнаго земледѣлія при тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыя поставленъ русскій земледѣлецъ. Отмѣтивъ это многозначительное обстоятельство, возвратимся къ нашему предмету.

Мнѣ могутъ замѣтить, что неурожай 1891 г. коснулся не однѣхъ только крестьянскихъ земель, что отъ него пострадали также и болѣе или менѣе привилегированные землевладѣльцы. А между тѣмъ эти люди не могутъ пожаловаться на податной гнетъ. Слѣдовательно,

помимо этого гнета, существуетъ какая-то другая причина бѣдствія, причина настолько сильная, что неурожай объясняется ею по крайней мѣрѣ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ.

Въ отвѣтъ на это возраженіе я замѣчу прежде всего, что во многихъ мѣстахъ неурожай былъ въ прошломъ году, какъ крестьяне выражаются, пёстрый: хлѣбъ уродился на поляхъ хорошо удобренныхъ и хорошо воздѣланныхъ и неуродился на захудалыхъ нивахъ крестьянской бѣдноты. Тутъ уже несомнѣнно дѣйствіе именно той причины, на которую указывалъ цитированный „Моск. Вѣдом.“ сельскій хозяинъ: отсутствіе у крестьянъ всякихъ средствъ для сколько-нибудь удовлетворительной обработки полей. Но во многихъ случаяхъ неурожай дѣйствительно распространился на всѣ земли данной мѣстности, безъ различія „званій и состояній“ ихъ владѣльцевъ. Чтобы объяснить это явленіе надо, припомнить, въ какомъ положеніи находилось наше частно-владѣльческое земледѣліе со времени реформы 1861 г.

„Помѣстное и частное землевладѣніе, очень шаткое на Руси до Петра Великаго, поддержанное крѣпостнымъ правомъ въ теченіе XVII столѣтія, потомъ временно и случайно усиленное пожалованіями императрицъ XVIII ст., съ другой стороны подрываемое порядкомъ наслѣдованія и самовластными конфискаціями и наконецъ разстроенное абсентеизмомъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ царствованіе Александра и Николая, помѣстное владѣніе, говоримъ мы, со времени освобожденія крестьянъ видимо склоняется къ ликвидаціи, къ распродажѣ недвижимыхъ имуществъ, къ упраздненію господскихъ хозяйствъ и запашекъ. Землевладѣніе, разумѣя подъ этимъ словомъ и право собственности и право пользованія, т. е. арендованіе, эксплуатацію земель, переходитъ отъ прежнихъ помѣщиковъ дворянскаго происхожденія къ двумъ разрядамъ новыхъ владѣльцевъ: *а*) промышленникамъ, торговцамъ, спекулянтамъ, скупающимъ или арендующимъ оптомъ большія имѣнія, и *б*) къ крестьянамъ, раскупающимъ или сни-

мающимъ тѣ же земли по мелкимъ участкамъ. Объ этомъ ходѣ поземельнаго нашего быта заявляется со всѣхъ краевъ Россіи такъ единогласно и настойчиво, что мы признаемъ эту черту характеристикою современнаго нашего соціально-аграрнаго положенія".

Эти строки написаны были княземъ Васильчиковымъ еще въ семидесятыхъ годахъ, но время, протекшее съ тѣхъ поръ, только усилило указанное здѣсь экономическое движеніе: дворянство, какъ землевладѣльческій классъ еще дальше отступило на задній планъ, и еще больше бывшихъ помѣщичьихъ земель очутилось въ рукахъ купечества и всякаго рода „спекулянтовъ" съ одной стороны и въ рукахъ крестьянъ съ другой. Что касается крестьянъ, то помѣщичьи земли переходили въ ихъ руки двумя путями: богатые крестьяне,— наша сельская буржуазія—пріобрѣтали *въ собственность* болѣе или менѣе крупные участки; бѣдняки же, побуждаемые созданной актомъ 1861 г. ирландской тѣснотой, *снимали* на короткіе сроки небольшіе участки, причемъ платили гг. помѣщикамъ чрезвычайно высокую ренту. Само собою понятно, что эти бѣдняки лишены были всякой экономической возможности завести на арендованныхъ клочкахъ сколько-нибудь улучшенное хозяйство. Они также точно „ковыряли" арендованную землю, какъ „ковыряли" свои надѣлы. Къ этому надо прибавить, что во многихъ мѣстахъ помѣщики, разлакомившись высокой рентой, не давали арендуемой крестьянами землѣ отдыхать подъ паромъ, и тѣмъ, разумѣется, очень быстро ее истощали. Что же касается завладѣвшихъ помѣщичьими землями „спекулянтовъ" всѣхъ родовъ, видовъ и разновидностей, то они — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вели собственное хозяйство, а не ограничивались раздачей своей земли въ аренду деревенской бѣднотѣ — придерживались такихъ хищническихъ пріемовъ эксплуатаціи своихъ имѣній, что о раціональномъ земледѣліи въ нихъ не могло быть и рѣчи. Князь Васильчиковъ объясняетъ это невѣжествомъ нашей буржуазіи. Но подобное объясненіе недостаточно, какъ показываютъ слѣдующія, его же собственныя слова: „Привык-

нувъ въ спекулятивныхъ своихъ предпріятіяхъ къ быстрымъ, краткосрочнымъ оборотамъ, преслѣдуя и въ хозяйственномъ своемъ управленіи торговую систему извлеченія наибольшей непосредственной прибыли изъ затраченнаго капитала, купцы и евреи, концессіонеры и строители желѣзныхъ дорогъ отличаются всѣми достоинствами отважныхъ предпринимателей, но и всѣми недостатками дурныхъ хозяевъ.“ Это уже ближе къ истинѣ. Но это еще не истина. Вопросъ рѣшается здѣсь указаніемъ на привычку „спекулянтовъ“ къ быстрымъ оборотамъ и къ извлеченію высокой прибыли изъ затраченнаго капитала. Не трудно „привыкнуть“ къ хорошему барышу. Но ясно, что если „отважные предприниматели“ имѣли экономическую возможность придерживаться своей „привычки“, то значитъ были въ общественной жизни такія условія, которыя дѣлали хищническую культуру болѣе доходной, чѣмъ раціональное земледѣліе. Князь Васильчиковъ обходитъ молчаніемъ эту сторону вопроса, а между тѣмъ отъ него-то и зависитъ его окончательное рѣшеніе.

Въ послѣднія тридцать лѣтъ русское правительство такъ усердно служило интересамъ торгово-промышленнаго капитала, что даже не очень „отважные“ предприниматели очень быстро наживались. Земледѣліе не могло приносить такихъ высокихъ доходовъ, какъ торговля или промышленность. Неудивительно, поэтому, что ни у кого не было охоты затрачивать капиталъ на сельско-хозяйственныя улучшенія. И не только ни у кого не было охоты дѣлать это, но явилось противоположное стремленіе: высасывать всѣми возможными средствами капиталъ изъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій и превращать его, такъ сказать, въ жидкое состояніе съ тѣмъ, чтобы потомъ искать счастья въ торговлѣ или въ промышленности. Въ этомъ и заключается вся тайна сельско-хозяйственой практики „купцовъ и евреевъ, концессіонеровъ и строителей желѣзныхъ дорогъ“.

Но, истощая землю, эти господа, разумѣется, подрывали ея производительность. Неурожаи учащались въ

ихъ имѣніяхъ, какъ учащались они на земляхъ раздавленнаго государствомъ крестьянства. Постепенно приближался и, наконецъ, наступилъ день разсчета. Ограбленная земля не въ силахъ приносить доходъ своимъ „отважнымъ“ владѣльцамъ, какъ разоренный крестьянинъ не въ силахъ поддерживать разорившее его государство.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ имѣніяхъ привилегированныхъ владѣльцевъ неурожай причиненъ былъ тѣмъ же самымъ истощеніемъ почвы, благодаря которому голодаютъ теперь десятки милліоновъ. Разница лишь въ путяхъ, приведшихъ къ неурожаю крестьянъ и „спекулянтовъ“. Спекулянты пришли къ нему путемъ быстраго набиванія кармана; крестьяне—путемъ постояннаго, безостановочнаго оскудѣнія.

Я не стану распространяться о такихъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстныхъ проявленіяхъ хищничества, какъ истребленіе лѣсовъ, отъ котораго пострадала вся Россія, т. е. слѣдовательно и люди совершенно въ немъ неповинные. Я обращу ваше вниманіе, товарищи, лишь на одно явленіе, проливающее новый свѣтъ на современное положеніе русскаго крестьянина.

Припомните, какое значеніе имѣетъ для земледѣлія вывозъ зерна изъ деревень на внутренніе или иностранные рынки. Наука давно уже выяснила это. „Можно-ли думать—восклицалъ Либигъ—что богатая, плодородная страна, ведущая дѣятельную торговлю, которая въ теченіе десятилѣтій вывозитъ произведенія ея почвы въ видѣ скота и хлѣба, останется плодородной даже въ томъ случаѣ, если торговля не возвращаетъ ея почвѣ, въ видѣ удобренія, тѣхъ извлеченныхъ изъ нея составныхъ частей, которыхъ не можетъ возмѣстить атмосфера! Не должна-ли подобная страна придти въ положеніе нѣкогда богатой и плодородной Виргиніи, въ которой нельзя уже воздѣлывать ни пшеницы, ни табаку?“*)

*) Chemische Briefe, Heidelberg 1844, 22-er Brief, S. 279.

Все искусство земледѣлія сводится, по замѣчанію того же Либига, къ возстановленію въ почвѣ равновѣсія, нарушаемаго питаніемъ растеній. Но если это такъ, то не трудно понять, какое вліяніе могло имѣть на русское земледѣліе развитіе товарнаго производства, окончательно вытѣснившаго у насъ въ послѣднія тридцать лѣтъ старое натуральное хозяйство. Чѣмъ болѣе развивалась внутренняя и внѣшняя торговля, тѣмъ больше хлѣба вывозилось изъ деревни. Въ то время, когда крестьянинъ жилъ при условіяхъ натуральнаго хозяйства, на гумнѣ у каждаго мало-мальски зажиточнаго хозяина часто можно было найти старый, необмолоченный хлѣбъ, сохранившійся отъ неурожаевъ прежнихъ лѣтъ. Теперь о подобныхъ запасахъ крестьяне вспоминаютъ, какъ о чемъ-то совершенно баснословномъ. Теперь хлѣбъ есть товаръ, не долго залеживающійся въ деревнѣ. И несомнѣнно, что потребленіе людьми и домашними животными хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній очень значительно сократилось на мѣстѣ ихъ производства вслѣдствіе развитія торговли, давшей возможность быстро превращать въ деньги каждую копну сѣна, каждый четверикъ хлѣба, а иногда и каждый горшокъ молока. Замѣчу мимоходомъ, что только благодаря этому обстоятельству и правительство могло выжимать изъ мужика гораздо больше, чѣмъ выжимало оно въ „доброе старое время“ натуральнаго хозяйства. Только благодаря чрезвычайно быстрому развитію товарнаго производства правительство могло съ грѣхомъ пополамъ поддерживать свое грѣшное существованіе со времени севастопольскаго погрома. Но это же развитіе вело за собою не менѣе быстрое истощеніе русской почвы. Разсуждая отвлеченно, можно сказать, что легко было пособить этому горю, такъ какъ стоило только возстановлять указанное Либигомъ химическое равновѣсіе. Но въ томъ-то и дѣло, что крестьяне, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе бѣднѣвшіе, не имѣли необходимыхъ для этого средствъ, а „спекулянты“ предпочитали, какъ уже сказано, другія, болѣе выгодныя для нихъ затраты капиталовъ. Печаль-

ное предсказаніе Либига сбылось, наконецъ, въ Россіи, какъ сбудется оно во всякой другой странѣ, поставленной въ такія же условія: русская почва стала, наконецъ, безплодной.

Чтобы оживить ея истощенныя силы, чтобы возстановить нарушенное *химическое* равновѣсіе, надо поставить русское земледѣліе въ новыя общественныя условія, а это будетъ возможно только тогда, когда измѣнятся *экономическія* отношенія Россіи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

—

Вѣроятныя послѣдствія голода.

Où il n'y a rien, le roi perd ses droits.

Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ усвоили странную манеру отзываться на животрепещущій теперь вопросъ о голодѣ. Они усердно и обстоятельно подсчитываютъ, какъ часто и какъ сильно голодалъ русскій крестьянинъ въ „прошлые вѣка".*) Такія „изслѣдованія" даютъ богатѣйшій фактическій матеріалъ для успокоительныхъ разсужденій на тему: „*да онъ же привыкъ!*" Въ самомъ дѣлѣ, „въ прошлые вѣка" русскій „мужичекъ" голодалъ часто и сильно, а вотъ помогъ же ему господь дожить до нынѣшняго голода; стало быть, нечего отчаяваться: доживетъ и до... слѣдующей голодовки. Это, безспорно, очень отрадный выводъ. Бѣда лишь въ томъ, что онъ очень мало убѣдителенъ.

**) „*Неурожаи прошлаго вѣка.* (Публичная лекція П. В. Безобразова въ пользу голодающихъ, прочитанная въ аудиторіи Историческаго музея 22-го февраля.) Лекторъ началъ свою лекцію съ общей картины неурожаевъ прошлаго вѣка. Какъ въ XVI и XVII вв. насчитывали по 8 неурожаевъ въ столѣтіе, такъ и въ XVIII вѣкѣ было не менѣе 8 крупныхъ недородовъ и голодовокъ" (Рус. Вѣд. 1892, № 53). Подобными подсчитываніями занимается не одинъ г. Безобразовъ.

Въ „прошлые вѣка“ крестьянинъ жилъ совсѣмъ не при тѣхъ экономическихъ условіяхъ, при которыхъ онъ живетъ въ настоящее время.

Въ „прошлые вѣка“ онъ велъ *натуральное* хозяйство, а теперь ведетъ хозяйство *денежное.*

Въ „прошлые вѣка“, при натуральномъ хозяйствѣ, у него оставались такіе запасы хлѣба, которые сильно облегчали ему борьбу съ бѣдствіемъ, и которыхъ не оказалось у него въ 1891 году.

Въ „прошлые вѣка“ русская почва была очень далека отъ того истощенія, которое замѣчается въ ней въ настоящее время.

Да и самъ крестьянинъ въ „прошлые вѣка“ былъ, не смотря на всѣ сыпавшіяся на него невзгоды, еще очень далекъ отъ полной экономической безпомощности, составляющей его характеристическую особенность въ наши дни.

Слѣдовательно, примѣръ „прошлыхъ вѣковъ“ еще ровно ничего не доказываетъ по отношенію къ настоящему времени. Въ „прошлые вѣка“ голодовки вели за собой *одни* послѣдствія, теперь ведутъ совершенно *другія.*

Если ужъ обращаться къ „прошлымъ вѣкамъ“, то лучше всего сравнить положеніе французскаго крестьянина временъ „стараго порядка“ съ нынѣшнимъ положеніемъ русскаго „мужичка“.

„Опустошенія, вносимыя въ крестьянскую среду переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ хозяйству денежному, которое представляетъ собою необходимое условіе возникновенія внутренняго рынка для промышленнаго капитала, классически изображены Буагильберомъ и Вобаномъ на примѣрѣ Франціи времени Людовика XIV. Но то, что происходило тамъ, оказывается совершенными пустяками по сравненію съ тѣмъ, что происходитъ въ Россіи. Здѣсь, во-первыхъ, пропорціи указаннаго явленія втрое или вчетверо больше, а во-вторыхъ, измѣненіе условій производства ....совершается несраненно быстрѣе и рѣшительнѣе. Французскій крестьянинъ медленно вовлекался въ сферу вліянія мануфактуры, рус-

скій—сразу попадаетъ въ водоворотъ крупной промышленности. Если мануфактура била крестьянъ кремневымъ ружьемъ, то крупная промышленность вооружается противъ нихъ—новѣйшимъ магазиннымъ".*)

Но разрушеніе старыхъ экономическихъ отношеній Россіи означаетъ разложеніе той исторической почвы, на которой выросъ и укрѣпился нашъ политическій строй. И чѣмъ скорѣе совершается *экономическая эволюція*, тѣмъ быстрѣе близится время *политическаго переворота*.

Нанося послѣдній ударъ старой экономіи Россіи, нынѣшнее бѣдствіе является въ то же время *агоніей царизма*.

Что дѣлаетъ, что можетъ сдѣлать царизмъ въ борьбѣ съ голодомъ?

Вамъ извѣстно, товарищи, что царское правительство старалось поддержать населеніе пострадавшихъ губерній выдачей ссудъ на продовольствіе и на обсѣмененіе полей, а также и организацией „общественныхъ работъ". Всѣмъ извѣстно, какъ мало соотвѣтствуютъ размѣры правительственной помощи размѣрамъ народной нужды. Но я не буду останавливаться на этомъ. Я предположу, что правительство дало бѣдствующему народу не только все то, что оно *могло дать*, но также и все то, что *надо было дать* ему при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Другими словами, я предположу, что съ этой стороны, со стороны *количественной* оцѣнки его помощи народу, намъ совершенно нельзя упрекнуть въ чемъ бы то ни было правительство Его Величества. Но въ то же время я попрошу васъ обратить вниманіе на *качественную* сторону дѣла.

Потрудитесь вдуматься въ смыслъ слѣдующихъ фактовъ.

Въ февралѣ текущаго года газеты напечатали слѣдующій циркуляръ курскаго губернатора г. фонъ-Валя ко „ввѣреннымъ" ему земскимъ начальникамъ.

„Крестьянамъ Рождественской волости, Курскаго

---

*) Фридрихъ Энгельсъ, La carestia in Russia.

уѣзда, наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая, были предоставлены, съ цѣлію обезпечить необходимое пропитаніе ихъ семействъ, работы по распилкѣ дровъ на Курско-кіевской желѣзной дорогѣ, съ платою по одному рублю отъ сажени безъ колки, но со складомъ въ кубы. Упомянутые крестьяне 14 декабря въ числѣ 58 человѣкъ явились въ слободу Ямскую, Курскаго уѣзда, на линію Курско-кіевской желѣзной дороги, и начали работы, но, проработавъ четыре дня, не захотѣли продолжать работъ и ушли домой.

„По произведенному дознанію оказалось, что упомянутые крестьяне въ теченіе четырехъ дней распилили только 32 куба дровъ, работали неусердно, проводя большую часть времени въ совѣщаніяхъ о невыгодности работъ, и ушли домой, признавъ плату въ одинъ рубль слишкомъ низкою.

„Между тѣмъ за ту же работу на дровяныхъ дворахъ г. Курска уплачивается только 75 к., а на той же желѣзной дорогѣ до сего времени вольнымъ рабочимъ платилось 80 к.

„Принимая во вниманіе, что тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о пропитаніи себя и своихъ семействъ, разсужденіе о выгодности или невыгодности работъ представляется неумѣстнымъ, а самовольное оставленіе работъ, по лѣности и нерадѣнію—преступнымъ, что другіе крестьяне на той же дорогѣ пилятъ дрова по 80 коп. отъ кубической сажени, находя эту плату вполнѣ достаточною, — я призналъ необходимымъ, въ примѣръ прочимъ, наказать ушедшихъ съ работъ крестьянъ выдержаніемъ ихъ при полиціи въ г. Курскѣ по десяти сутокъ каждаго на хлѣбѣ и водѣ, о чемъ и сдѣлалъ надлежащее распоряженіе, предписавъ полицеймейстеру высылать этихъ крестьянъ во время ареста каждый день подъ конвоемъ на оставленныя ими работы по распилкѣ дровъ на Курско-кіевской желѣзной дорогѣ въ слободу Ямскую, съ тѣмъ, чтобы эти работы они производили подъ строгимъ надзоромъ мѣстной полиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я распорядился, чтобы изъ получаемой платы за сію работу отдѣлялась часть на содержаніе арестован-

ныхъ, съ выдачею имъ хлѣба по 3 или $3^{1}/_{2}$ фунта каждому въ день, а остальная часть представлялась мнѣ для отсылки мѣстному земскому начальнику на нужды вдовъ и сиротъ тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежатъ упомянутые крестьяне. Независимо отъ того, мною предложено курской уѣздной земской управѣ, чтобы крестьянамъ, ушедшимъ съ работъ, и тѣмъ, которые не пожелаютъ въ будущемъ отправиться на работы, отнюдь не выдавались продовольственныя ссуды.

„Сообщая объ изложенномъ земскимъ начальникамъ пострадавшихъ отъ неурожая уѣздовъ Курской губерніи, прошу ихъ объявить о настоящемъ случаѣ ухода крестьянъ съ работъ и о всѣхъ сдѣланныхъ мною по сему предмету распоряженіяхъ на сельскихъ сходахъ тѣхъ обществъ, которымъ выдаются или предназначаются къ выдачѣ продовольственныя ссуды, предваривъ ихъ, что, если кто либо изъ членовъ сихъ обществъ не пожелаетъ воспользоваться предоставляемою имъ работою для ихъ личнаго и ихъ семействъ пропитанія, — тотъ, во-первыхъ, лишится права на полученіе продовольственной ссуды для себя и семьи, если бы даже въ томъ крайне нуждался, а во-вторыхъ, будетъ отправленъ въ Курскъ для ареста на общественныя работы по моему распоряженію, какъ это сдѣлано съ крестьянами Рождественской волости, Курскаго уѣзда."

Логическаго смысла въ этомъ циркулярѣ, какъ видите, очень немного. „Принимая во вниманіе, что тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о пропитаніи себя и своихъ семействъ, разсужденіе о выгодности или невыгодности работъ, представляется неумѣстнымъ..."—но для человѣка, живущаго своимъ трудомъ, вопросъ всегда и неизмѣнно идетъ „о пропитаніи себя и своего семейства". Что же, стало быть человѣкъ, живущій своимъ трудомъ, совсѣмъ не имѣетъ права разсуждать о выгодности или невыгодности работъ, т. е., слѣдовательно, и о возможности пропитанія работой „себя и своего семейства"? Изъ словъ г. фонъ-Валя слѣдуетъ, что—да. Относившіяся къ этому предмету разсужденія курскихъ пильщиковъ показались ему „*преступными*". Ну, а графъ Л. Толстой, занимав-

шійся когда-то пилкой дровъ съ гигіенической цѣлью, тотъ очевидно имѣлъ полное право разсуждать о выгодности или невыгодности такого занятія? Вѣдь для него вопросъ шелъ совсѣмъ не „о пропитаніи себя и своего семейства“. Опять выходитъ, что—да. Но въ такомъ случаѣ оказывается, что интересоваться высотой заработной платы имѣютъ право только тѣ люди, которые въ ней совсѣмъ не нуждаются, и которымъ, поэтому высота ея вовсе не интересна. Это очень странная теорія! Самъ г. курскій губернаторъ едва-ли рѣшится отстаивать ее въ ея чистомъ видѣ. Но дѣло въ томъ, что въ этихъ удивительныхъ строкахъ г. фонъ-Валь вовсе не думалъ высказывать какую бы то ни было теорію. Онъ написалъ вздоръ просто по невѣжеству и безграмотности, какъ написалъ его Александръ III, заговорившій въ извѣстномъ рескриптѣ на имя наслѣдника престола о „*недородѣ хлѣбныхъ произведеній*“ (т. е., стало быть, кренделей, булокъ, бубликовъ, сухарей, хлѣбныхъ ковригъ и т. п.). Логическаго смысла очень мало въ доводахъ г. фонъ-Валя, но это не мѣшаетъ его циркуляру имѣть совершенно ясное и опредѣленное *общественное значеніе*. Этотъ циркуляръ показываетъ, что правительственная заботливость о голодающемъ обывателѣ лишаетъ этого несчастнаго „всѣхъ правъ состоянія“ и превращаетъ его въ общественнаго раба, трудомъ и временемъ котораго могутъ безконтрольно распоряжаться всѣ безъ исключенія большіе и малые помпадуры.

Г. фонъ-Валь далеко не являетъ собою чего нибудь исключительнаго. Его нельзя назвать даже первымъ между равными. *Онъ такой же, какъ и всѣ.* Въ чемъ уступаетъ ему, напримѣръ, нижегородскій губернаторъ г. Барановъ? Въ первомъ же гласномъ засѣданіи нижегородской продовольственной коммиссіи онъ высказалъ слѣдующую программу помощи голодающимъ: „Въ уѣздахъ и городахъ губерніи существуетъ у отдѣльныхъ лицъ и формирующихся негласныхъ кружковъ наклонность (!) сбирать въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая пожертвованія и раздавать ихъ нуждающимся са-

мостоятельно (какой ужасъ!). Не говоря уже о томъ, что эта форма благотворительности не подвергается необходимому контролю (а почему вы знаете, что *не* подвергается?), надо имѣть въ виду, что она не можетъ достигать своего назначенія (?!). Вслѣдствіе этого, предполагается сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы никто въ губерніи безъ спеціальнаго разрѣшенія не имѣлъ права собирать пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая и раздавать полученныя суммы помимо съ этою цѣлью въ губерніи организованныхъ учрежденій (одно изъ двухъ: если обыватели *имѣли* прежде это „*право*“, то вы, г. Барановъ, не „*имѣли права*“ лишить ихъ его, и, для пользованія имъ, они не нуждались ни въ какихъ „спеціальныхъ разрѣшеніяхъ“; если же права этого у нихъ прежде *не было*, то излишне было „дѣлать распоряженія..... чтобы никто не имѣлъ права“ и т. д. Все та же безграмотность, органически сросшаяся съ нашими помпадурами!). Вмѣстѣ съ тѣмъ признается необходимость воспретить (!) лицамъ, желающимъ получить продовольственную помощь, обращаться непосредственно въ какія бы то ни было учрежденія, завѣдующія сборомъ и распредѣленіемъ пособій пострадавшимъ отъ неурожая помимо своего ближайшаго и непосредственнаго начальства.“ Но это еще не все. Присяжный повѣренный Садовскій изъявилъ губернской земской управѣ отъ имени неизвѣстнаго лица желаніе взять на прокормленіе одну изъ пострадавшихъ деревень. Выборъ палъ на деревню Адашево. Тогда „Н. М. Барановъ — разсказываетъ журналъ засѣданія коммиссіи отъ перваго декабря 1891 — заявилъ, что онъ поручилъ мѣстному земскому начальнику тщательно блюсти, чтобы прокормленіе крестьянъ сказаннаго селенія на средства неизвѣстнаго жертвователя совершалось правильно и, не отличаясь въ лучшую сторону отъ прокормленія нуждающихся на казенную ссуду, въ то же время не было и хуже его“.

„Вѣстникъ Европы“ замѣчаетъ, что взглядъ нижегородской продовольственной коммиссіи можно резюмировать такъ: вызывать частную благотворительность въ

эпоху общественнаго бѣдствія не слѣдуетъ, а когда она проявляется сама собою, ее нужно взять подъ надзоръ и подвергнуть строгой регламентаціи". Это вѣрно. Но съ другой стороны, надо быть справедливымъ даже по отношенію къ русской бюрократіи. Отъ нея (или отъ „правительства", что все равно) требуютъ помощи, ждутъ благодѣтельныхъ распоряженій. Она и помогаетъ, она и распоряжается. При этомъ она, разумѣется, не можетъ измѣнить своей природы, да и не видитъ въ этомъ ни малѣйшей надобности. Она дѣйствуетъ и распоряжается такъ, какъ можетъ дѣйствовать и распоряжаться бюрократія, унаслѣдовавшая всѣ привычки и всѣ преданія самаго полицейскаго изо всѣхъ возможныхъ полицейскихъ государствъ. „Теперь, во время бѣдствія — говоритъ г. Барановъ — земскій начальникъ долженъ быть рукою Провидѣнія, спасающаго отъ бѣды". Подобныя притязанія, разумѣется, хватаютъ черезъ край. Но можно-ли сказать, что они непонятны? Судьба страны издавна находится въ безконтрольномъ распоряженіи правительства. Не удивительно, что его чиновники считаютъ себя чуть не богами?

„Когда наступаетъ моментъ, въ который уже не до теорій, ибо сама жизнь настоятельно требуетъ дѣйствія, —какъ въ прошломъ и настоящемъ году, государство совершенно естественно выпрямляется во весь свой историческій ростъ и начинаетъ распоряжаться всѣмъ съ такою же легкостью и силой, какъ при Московскихъ Царяхъ, какъ при Петрѣ, Екатеринѣ, Николаѣ, какъ всегда, когда считало нужнымъ распоряжаться"..

Такъ разсуждаютъ „Моск. Вѣдомости" (№ 37), и хотя свойственное имъ представленіе о распорядительности полицейскаго государства нѣсколько своеобразно, несомнѣнно, однако, что онѣ мѣтко опредѣляютъ сущность дѣла. Полицейское государство „выпрямляется во весь свой историческій ростъ и начинаетъ распоряжаться всѣмъ..... какъ при Московскихъ царяхъ, какъ при Петрѣ, Екатеринѣ, Николаѣ, какъ всегда, когда считало нужнымъ распоряжаться". Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ, что при тѣхъ отно-

шеніяхъ къ обывателямъ, которыя съ давнихъ поръ вошли въ привычку у нашего правительства, всякая забота о народномъ благѣ понимается имъ въ смыслѣ самаго безцеремоннаго вмѣшательства въ народную жизнь и дѣятельность. И чѣмъ больше „выпрямляется" полицейское государство, тѣмъ безцеремоннѣе, тѣмъ безтолковѣе и тѣмъ невыносимѣе становится его вмѣшательство.

Въ началѣ марта появилась въ русскихъ газетахъ слѣдующая телеграмма:

„*Лугансkъ*, 6-го марта. Надъ расчисткой пути нашей дороги работало до 5,000 человѣкъ поденно-рабочихъ, большая часть которыхъ явилась на работу при посредствѣ полиціи. Плата доходила" и проч. Плата была не дурна, но не въ томъ дѣло. Замѣчательно то, что полиція и здѣсь была „рукою Провидѣнія, спасающаго отъ бѣды"... не знаемъ въ точности кого: рабочихъ или желѣзно-дорожное начальство. Если бы дѣла пошли дальше въ томъ же направленіи, то скоро вся наша экономическая жизнь попала бы подъ полицейскій надзоръ, и русскіе производители трудились бы не иначе какъ „*при посредствѣ полиціи*". Ожидать отъ полицейскаго „Провидѣнія" чего-нибудь, кромѣ превращенія голодающихъ въ безправныхъ рабовъ, было бы такъ же наивно, какъ надѣяться, что на вербѣ выростутъ груши.

Но если уже теперь, когда кризисъ, собственно говоря, только что начался, наше полицейское государство гораздо больше угнетаетъ народъ, чѣмъ поддерживаетъ его въ бѣдѣ, гораздо больше „распоряжается", вредитъ и путаетъ, чѣмъ помогаетъ, то каковы же блага, которыя можетъ оно обѣщать намъ въ будущемъ?

Повторяю, кризисъ только что начался. Если 1892 годъ еще не будетъ послѣднимъ годомъ русскаго самодержавія, то это ни мало не улучшитъ безнадежнаго положенія царскаго правительства. Нынѣшній голодъ, окончательно раззоривъ крестьянскую массу, страшно понизитъ производительность русскаго земледѣлія и еще болѣе увеличитъ его зависимость отъ всякаго рода неблагопріятныхъ случайностей. Неурожаи станутъ повторяться

еще чаще, чѣмъ прежде, а мы видѣли, что и прежде они повторялись убійственно часто: въ прожежутокъ времени отъ 1880 до 1891 г. въ обширной, богатѣйшей отъ природы мѣстности на 4 урожая пришлось 7 неурожаевъ. Но эта мѣстность вовсе не находилась въ какомъ-нибудь исключительно плохомъ положеніи. Вся русская почва истощена до такой степени, что, при нынѣшнихъ условіяхъ земледѣлія, не можетъ уже давать хорошихъ урожаевъ. Къ сожалѣнію, можно съ увѣренностью сказать, что только счастливая случайность спасла въ 1891 году западную половину Россіи отъ голода. Эта половина раззорена не менѣе восточной. „Невеселыя вѣсти получаются.... изъ уѣздовъ — говоритъ корреспондентъ „Рус. Вѣд." о Кіевской губерніи. У большинства крестьянъ хлѣба не только на сѣмена, но и на продовольствіе, также какъ и корма для скота, нѣтъ. Для кулаковъ настало самое благодатное время: скотъ крестьянъ идетъ за безцѣнокъ въ ихъ руки. Это бросалось въ глаза во время послѣдней ярмарки. Скотъ продавали не крестьяне, а барышники" (1892, № 72). *Вѣдь это уже голодъ.* А будущее несетъ съ собой еще болѣе тяжелыя невзгоды. Озимые плохи во всемъ юго-западномъ краѣ. Нельзя будетъ удивляться, поэтому, если будущею осенью потребуется правительственная помощь населенію этого края. Положеніе крестьянъ сѣверо-западныхъ губерній давно извѣстно: они едва-ли даже и знаютъ, что значитъ *не* голодать. Все это ясно показываетъ, что мы находимся вотъ въ какомъ положеніи: „*спасать отъ бѣды*" *русскаго крестьянина* правительство можетъ не иначе, какъ цѣликомъ взявъ на себя его содержаніе и отдыхая отъ исполненія этой тяжелой обязанности лишь въ рѣдкіе-рѣдкіе теперь урожайные годы. Но это явная экономическая невозможность. Какъ же будетъ правительство содержать тотъ самый народъ, на счетъ котораго оно существуетъ? Чтобы помочь кому-нибудь — напримѣръ, доблестному дворянству или почтенному купечеству—правительство должно предварительно обобрать народъ. Ну, а когда съ народа брать нечего, тогда и правительство рѣшительно никому по-

мочь не въ состояніи: не только народу, но и самому себѣ. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, съ усердіемъ вполнѣ достойнымъ лучшей участи, правительство рубило вѣтку, на которой сидѣло. Теперь работа его пришла къ концу; вѣтка подрублена; но вмѣстѣ съ нею должно пасть и правительство. Où il n'y a rien, le roi perd ses droits.*)

Другого выбора нѣтъ и быть не можетъ: Россія должна вырвать свою судьбу изъ рукъ обанкрутившагося царизма, или погибнуть отъ полнаго экономическаго истощенія. Не утописты-мечтатели подсказываютъ ей ея политическую программу. Ее навязываетъ неумолимая сила экономической необходимости. И всѣ обстоятельства какъ нарочно складываются такъ, что даже самые тупые и неразвитые люди не могутъ не понять преимуществъ этой программы.

Какъ я уже сказалъ, русское государство издавна было самымъ дорогимъ государствомъ въ мірѣ. Самымъ дорогимъ, во-первыхъ, въ смыслѣ отношенія налоговъ къ производительнымъ силамъ страны, а во-вторыхъ — въ смыслѣ безотносительной стоимости каждаго отдѣльнаго отправленія государственнаго тѣла. Я уже не говорю о „хищеніяхъ", доставившихъ всемірную славу нашему чиновничеству. Я имѣю въ виду лишь столь обычную у насъ, нелѣпую и часто совершенно непроизводительную трату казенныхъ денегъ. Дорого и скверно — вотъ нелицепріятная характеристика, подходящая рѣшительно ко всему, что дѣлалъ и дѣлаетъ царизмъ для Россіи**). А между тѣмъ, онъ пользовался до сихъ

---

*) Тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, король теряетъ свои права.

**) „Военная смѣта, бывшая въ 1858 году не свыше 89 мил. р., — замѣчаетъ авторъ уже цитированныхъ мною „Историческихъ очерковъ Россіи", въ 1875 г. превосходила уже 175 м., т. е. возросла въ 17 лѣтъ на 97%, и за всѣмъ тѣмъ къ началу войны 1877 года русская армія была вооружена хуже турецкой, почему и понесла отъ нея нѣсколько пораженій". „Непроизводительность многихъ издержекъ по флоту, продолжаетъ тотъ же авторъ, всего лучше видна изъ того, что флотъ этотъ остался безъ дѣла въ единственную войну, какую вела Россія съ 1855 г. съ морскою державою. И что всего хуже: тѣ суда, которыя находились на театрѣ войны, какъ

поръ самыми искренними симпатіями со стороны бур-

знаменитыя поповки, оказались негодными для службы, такъ что вмѣсто спеціально-построенныхъ боевыхъ судовъ пришлось нанять торговыя и ихъ приспособить для военно-морской службы. Если бы подобное расходованіе денегъ — а ихъ израсходовано въ 23 года (1855—1877) до 480 мил. руб.—имѣло мѣсто въ частномъ предпріятіи, то конечно даже самые сонные акціонеры низвергли бы дирекцію; но у насъ морское вѣдомство продолжало благополучно существовать и дѣлать издержки самаго непроизводительнаго свойства." Даже въ „охранительной" прессѣ не рѣдко можно встрѣтить очень недвусмысленныя признанія на счетъ обычнаго у насъ нелѣпаго образа дѣйствій администраціи. Когда министромъ путей сообщенія сдѣлался г. Витте, „Москов. Вѣдомости" „съ искреннею радостью" привѣтствуя его назначеніе, такъ характеризовали положеніе дѣлъ во ввѣренной ему отрасли государственнаго хозяйства: „Грѣхи накопившіеся въ теченіе долгихъ лѣтъ въ нашемъ желѣзно-дорожномъ вѣдомствѣ, отозвались жестокимъ образомъ на всей Россіи въ настоящую и безъ того тяжелую неурожайную годину. Нуждавшееся въ пропитаніи населеніе семнадцати губерній едва не осталось безъ хлѣба вслѣдствіе того, что желѣзныя дороги не только не ускорили, но даже совершенно затормозили доставку ему хлѣба изъ урожайныхъ мѣстностей Кавказа. Потребовалось отправленіе другаго энергичнаго и „прямолинейнаго" человѣка, полковника фонъ-Вендриха, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго, для немедленнаго изслѣдованія и быстраго устраненія тѣхъ причинъ, которыя грозили Россіи неслыханнымъ бѣдствіемъ. Полковникъ фонъ-Вендрихъ блестящимъ образомъ исполнилъ возложенную на него задачу, ...но могъ достигнуть этого лишь цѣной тяжкихъ жертвъ, которыхъ онъ потребовалъ отъ казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ и которыя, разумѣется, въ концѣ концовъ чувствительно отзовутся на нашихъ государственныхъ финансахъ" (№ 48). На кого же падаетъ отвѣтственность за грѣхи, накопившіеся въ нашемъ желѣзно-дорожномъ вѣдомствѣ? „Московскія Вѣдомости" отвѣчаютъ категорически: „.....Въ данномъ случаѣ главная часть вины падаетъ .....на бывшаго министра Путей Сообщенія, который, зная съ іюня мѣсяца состояніе нашего урожая и предвидя усиленное передвиженіе хлѣбныхъ грузовъ съ Кавказа въ центральную Россію, счелъ возможнымъ предаваться отдыху въ іюлѣ и августѣ, а затѣмъ заниматься совершенно безплодною борьбой съ Министерствомъ Финансовъ, вмѣсто того чтобы сосредоточить все свое вниманіе и всю свою энергію на усиленіи и развитіи перевозочныхъ средствъ нашихъ южныхъ дорогъ и на своевременномъ предотвращеніи того желѣзно-дорожнаго хаоса, который теперь приходится распутывать съ такими неимовѣрно тяжкими жертвами."

Что сказать о такомъ политическомъ порядкѣ, при которомъ десятки милліоновъ людей рискуютъ умереть голодной смертью вслѣдствіе

жуазіи, которая, казалось бы, должна была имѣть сильную склонность къ *„дешевому правительству"*. Чѣмъ объясняется эта странность?

Дѣло въ томъ, что наше самодержавное правительство стоило дорого *только народу*, т. е. *только трудящейся массѣ*, которая и расплачивалась за жадность и неумѣлость бюрократіи. Что же касается привилегированныхъ слоевъ населенія,—между которыми, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ буржуазія занимала первое мѣсто,— то для нихъ оно было чрезвычайно дешевымъ и чрезвычайно выгоднымъ правительствомъ. Оно не только не обременяло ихъ налогами, но создавало для нихъ самые постыдные иммунитэты. Такъ, напримѣръ, оно запретило земствамъ облагать фабрики по степени ихъ доходности, предоставивъ брать налогъ лишь съ фабричныхъ зданій, соотвѣтственно ихъ наемной цѣнѣ. Рядомъ съ иммунитэтами шло открытое наполненіе бездонныхъ буржуазныхъ кармановъ посредствомъ всякаго рода „субсидій" и „гарантій". Такимъ образомъ, все было къ лучшему въ самомъ лучшемъ изъ государствъ, все устраивалось къ обоюдной выгодѣ правительства и буржуазіи: предприниматели богатѣли, а царь не безъ основанія видѣлъ въ нихъ надежнѣйшую опору своего трона.

Какъ видите, товарищи, эта политическая идиллія выросла на почвѣ простого торговаго разсчета. Но торговый разсчетъ, которымъ прекрасно объясняется ея *происхожденіе*, ни мало не обезпечиваетъ ея *долговѣчности*. Нѣжность всероссійскаго купечества къ царизму безъ слѣда исчезнетъ въ тотъ день, когда оно увидитъ, что существующій теперь политическій порядокъ, когда-то очень полезный и даже прямо необходимый для него, сдѣлался источникомъ его раззоренія.

Этотъ день уже недалекъ отъ насъ. Извѣстно, какъ тя-

того, что предается несвоевременному отдыху министръ, отвѣтственный лишь „передъ богомъ и государемъ"? Не слѣдуетъ ли сдѣлать министровъ отвѣтственными *передъ страною*, существенно заинтересованной въ ихъ дѣятельности?

жело отозвался голодъ на состоянiи нашей промышленности. Фабрики сократили производство, многiя изъ нихъ вовсе остановились, банкротства быстро послѣдовали одно за другимъ, среди предпринимателей раздались жалобы на огромные убытки. И на этотъ разъ жалобы ихъ не были притворны. Всецѣло уничтоживъ покупательную силу пострадавшихъ отъ него земледѣльцевъ, неурожай естественно повелъ за собой недостатокъ внутренняго сбыта, а извѣстно, что значитъ недостатокъ внутренняго сбыта для русскаго промышленника. Буржуазiи пришлось дорого платиться за то безстыдное расхищенiе народнаго достоянiя, которому она усердно предавалась въ союзѣ съ правительствомъ и подъ его руководствомъ. По глубоко вкоренившейся привычкѣ она требуетъ помощи отъ своего стараго испытаннаго союзника, но чѣмъ тяжелѣе ея положенiе и чѣмъ серьезнѣе ея требованiя, тѣмъ сильнѣе будетъ и тѣмъ скорѣе придетъ ея неизбѣжное разочарованiе. Ея союзникъ самъ находится, какъ мы уже видѣли, при послѣднемъ издыханiи. И такъ какъ съ голоднаго народа ему брать уже нечего, то ему поневолѣ придется протянуть руку къ кошельку буржуазiи. А подобное посягательство съ его стороны сразу откроетъ буржуазiи глаза на преимущества *„правового порядка“*. Тогда она заговоритъ о правахъ человѣка и гражданина, о народномъ благѣ, о свободѣ, о самоуправленiи. „Человѣкъ нападаетъ на несправедливость не потому, что самъ онъ не хотѣлъ бы поступать несправедливо, а потому, что онъ боится, какъ бы съ нимъ не поступили такимъ образомъ“,—говоритъ Ѳризимахъ у Платона. Наша буржуазiя только рукоплескала правительству, когда оно, грабя народъ, дѣлилось съ ней добычей. Она вовсе не боялась поступать *„несправедливо“*. Но когда самодержавная *„несправедливость“* станетъ грозить ея собственнымъ интересамъ, она немедленно окажется горячей сторонницей *„справедливости“*. Вы берете мои деньги, скажетъ она правительству. Я согласна, что это необходимо въ настоящее трудное время. Но я желаю знать, куда идутъ

онѣ. Я требую отчета. И не такого отчета, какой вы давали странѣ до сихъ поръ. Такой отчетъ не болѣе какъ насмѣшка. Я хочу, чтобы вы не позволяли себѣ никакихъ другихъ тратъ, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ одобрены и разрѣшены представителями народа, т. е. мною. Я хочу имѣть отвѣтственныхъ министровъ. Я требую **конституціи**.

Далѣе, чтобы спасти самое себя отъ неминуемаго раззоренія, чтобы обезпечить своимъ издѣліямъ сбытъ внутри страны, буржуазія необходимо должна потребовать передѣлки тѣхъ общественныхъ условій, при которыхъ совершался до сихъ поръ земледѣльческій трудъ въ Россіи, и благодаря которымъ Россія стала страной голода. Она вынуждена будетъ подумать о земледѣльцѣ, дать ему матерьяльную возможность бороться съ неблагопріятными физическими вліяніями, возможность сѣять *хлѣбъ*, а не *голодъ*. Ей, въ ея собственныхъ интересахъ, придется добиваться серьезныхъ экономическихъ *реформъ*. Разумѣется, она будетъ смотрѣть на эти реформы со свойственной ей, *буржуазной*, точки зрѣнія. Ей будетъ важно не благосостояніе *трудящейся массы*, а увеличеніе *суммы* такъ называемаго *народнаго богатства*, т. е. богатства *присвоителей, а не производителей*. Въ своей реформаторской дѣятельности она будетъ руководствоваться моралью притчи о талантахъ или — что то же — правиломъ: если ты имѣешь много, то тебѣ еще дадутъ, если-жь мало, то и это очень малое возьмутъ. Но несомнѣнно, что ей *придется* заговорить о реформахъ, а разъ заговоривъ о нихъ, она по необходимости станетъ въ отрицательное отношеніе къ существующему теперь политическому порядку.

Позвольте мнѣ, товарищи, пояснить мою мысль примѣромъ, взятымъ изъ такой области, которая пользуется большимъ, чтобы не сказать исключительнымъ, вниманіемъ со стороны нашей болѣе или менѣе „передовой“ литературы, и которая не смотря на это, до сихъ поръ остается темной для многихъ и многихъ защитниковъ народныхъ интересовъ. Я говорю о нашихъ поземель-

ныхъ отношеніяхъ. Какъ отразится на нихъ нынѣшній голодъ? Фридрихъ Энгельсъ, въ статьѣ, изъ которой я заимствовалъ эпиграфъ моего перваго письма, говоритъ, что голодъ „ускоритъ разложеніе старой сельской общины, обогащеніе кулаковъ, превращеніе ихъ въ крупныхъ землевладѣльцевъ и вообще переходъ земли изъ рукъ дворянъ и поселянъ въ руки новой буржуазіи“ (nelle mani della nuova borghesia). Я понимаю, товарищи, тяжело сознавать, что и нынѣшнее бѣдствіе народа послужитъ на пользу буржуазіи, которая, какъ мы видѣли, не мало въ немъ виновата. Но, во-первыхъ, вѣрные правиламъ научнаго изслѣдованія, мы рѣшились объективно разсматривать современное состояніе Россіи и его вѣроятныя послѣдствія, не позволяя себѣ малодушно закрывать глаза на непріятныя для насъ явленія; а во вторыхъ, положеніе нашего крестьянина было до такой степени печально при старомъ экономическомъ порядкѣ, что его уже не можетъ ухудшить новое торжество буржуазіи. Напротивъ, ея новое торжество во многихъ отношеніяхъ даже улучшитъ его, такъ какъ оно прекратитъ, наконецъ, крѣпостную зависимость крестьянина отъ государства. Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ въ третьемъ письмѣ. Тамъ мы увидимъ, въ какое отношеніе мы должны будемъ стать къ торжествующей буржуазіи. Теперь же, чтобы не отклоняться отъ предмета, я прошу васъ вдуматься въ тѣ *политическія* послѣдствія, которыя повлечетъ за собою переходъ крестьянской земли *„въ руки новой буржуазіи“*.

Захвативъ эту землю въ свои руки, буржуазія, конечно, будетъ воздѣлывать ее гораздо лучше, чѣмъ воздѣлывали старые владѣльцы: это будетъ и необходимо, и вполнѣ возможно для нея. *Необходимо*—потому, что самое истощеніе почвы дѣлаетъ убыточной дальнѣйшую хищническую ея эксплуатацію; возможно — потому, что буржуазія обладаетъ значительными денежными средствами*). Такимъ образомъ подымется произ-

---

*) Какъ ни истощена теперь русская почва, но при улучшенныхъ способахъ обработки она, разумѣется, вполнѣ способна давать совер-

водительность русскаго земледѣльческаго труда, и общая сумма національнаго богатства увеличится. Но вы знаете, что, привязавъ крестьянина къ кусочку пашни, правительство брало у него, въ видѣ податей, нерѣдко гораздо больше того, что могъ бы принести такой клочекъ даже при улучшенномъ воздѣлываніи. Отдавши государству все, что приносила ему земля, крестьянинъ долженъ былъ прибавлять къ этому часть полученной на сторонѣ заработной платы. Но положимъ, что такъ бывало только въ исключительныхъ случаяхъ. Положимъ, что вообще дѣло ограничивалось тѣмъ, что въ казну поступала вся та часть дохода съ крестьянской земли, которая соотвѣтствуетъ рентѣ и прибыли, между тѣмъ какъ земледѣльцу доставалась часть, соотвѣтствующая заработной платѣ (и притомъ, во всякомъ случаѣ, очень низкой платѣ). Пока земли оставались въ рукахъ крестьянъ, такой порядокъ вещей до поры до времени (т. е. до времени полнаго раззоренія крестьянскаго хозяйства) не былъ экономической невозможностью. Крестьянинъ громко стоналъ подъ тяжелымъ податнымъ бременемъ, но онъ, соединяя въ своемъ лицѣ и работника, и предпринимателя, все-таки могъ продолжать такое хозяйство, весь доходъ съ котораго ограничивался для него очень невысокой заработной платой. Но едва крестьянскія земли перейдутъ въ руки буржуа, т. е. капиталистовъ, подобный порядокъ окажется совершенно невозможнымъ. Капиталистъ не можетъ довольствоваться той частью дохода, которая соотвѣтствуетъ *заработной платѣ*: эту часть онъ отдаетъ своимъ работникамъ. Онъ долженъ получить извѣстную *прибыль*, которую онъ, подъ страхомъ раззоренія, вынужденъ отстаивать отъ правительственныхъ посягательствъ. Но этого мало. Капиталистъ-*землевладѣлецъ*

шенно удовлетворительные урожаи. О ней можно сказать тоже то, что говоритъ у г. Эртеля въ „Смѣнѣ“ „временный второй гильдіи купецъ“ Прытковъ объ имѣніи гг. Мансуровыхъ: „Видимость-то такая, что надо сдать по са-а-амой минимальной цѣнѣ, а, между прочимъ, въ рукахъ она во всѣхъ смыслахъ достигнетъ преображенія.“

не можетъ удовольствоваться даже и тою частью приносимаго землей дохода, которая соотвѣтствуетъ заработной платѣ въ соединенiи съ прибылью, и изъ которой у него въ рукахъ остается собственно только прибыль. Вѣдь прибыль даннаго уровня принесло бы и хозяйство на арендованной землѣ или какое-нибудь промышленное предпрiятiе. А онъ не только предприниматель, онъ также и землевладѣлецъ. Въ качествѣ землевладѣльца онъ хочетъ получать *поземельную ренту*, и онъ никогда не уживется въ мирѣ съ такимъ государствомъ, которое станетъ брать у него, въ видѣ налога, всю поземельную ренту. Буржуа-землевладѣлецъ далеко не такая удобная для государства и далеко не такая покладистая „платежная сила", какою является „мужичекъ". Если данный участокъ, приносящiй, положимъ, 30 четвертей ржи, принадлежитъ „мужичку", то на него можно навалить налогъ, соотвѣтствующiй, скажемъ, 20 четвертямъ; а когда онъ перейдетъ во владѣнiе капиталиста, онъ не дастъ государству больше 5 или 6 четвертей. А если, не смотря на его переходъ въ бѣлыя буржуазныя руки, государство вздумало бы облагать его въ такой же мѣрѣ, въ какой облагало въ то время, когда онъ былъ въ корявыхъ и мозолистыхъ рукахъ крестьянина,—онъ сразу сдѣлался бы отчаяннымъ революцiонеромъ. Указывая на лежащiе рядомъ съ нимъ и почти свободные отъ налоговъ участки болѣе высокаго, напримѣръ, дворянскаго происхожденiя, онъ закричалъ бы о справедливости, о равенствѣ правъ и обязанностей и даже о противленiи злу насилiемъ. Поэты говорятъ, что бываютъ такiя обстоятельства, когда камни вопiютъ, если люди остаются нѣмы. Современному политику, разсуждая о вѣроятномъ политическомъ настроенiи гг. предпринимателей, приходится прежде всего принимать во вниманiе образъ мыслей ихъ движимой и недвижимой собственности.

Такимъ образомъ, одного перехода крестьянскихъ земель въ руки буржуазiи было бы достаточно, чтобы поставить царское правительство въ крайне неустойчивое и крайне опасное положенiе. Новые владѣльцы не-

премѣнно пожелали бы свалить съ доставшейся имъ земли большую часть лежавшихъ на ней налоговъ. А чтобы сдѣлать это, необходимо сверху до низу перестроить всю нашу податную систему. Если правительство не пожелаетъ взяться за это, оно толкнетъ въ ряды оппозиціи всю сельскую буржуазію, нерасположеніе которой въ особенности опасно для него, такъ какъ она имѣетъ сильное вліяніе на все деревенское населеніе. Если же правительство, во избѣжаніе подобнаго разлада, приступитъ къ податной реформѣ, оно попадетъ изъ огня въ полымя. Знакомые лишь съ канцеляріями, царскіе чиновники рѣшительно не въ состояніи справиться съ этой чрезвычайно трудной реформой, затрогивающей самые насущные интересы всей страны. Они надѣлаютъ множество ошибокъ; и каждая изъ ихъ ошибокъ сыграетъ роль предметнаго урока въ дѣлѣ политическаго обученія *всей* (и промышленной, и сельской) буржуазіи, которая, какъ уже сказано, вообще можетъ быть вѣрна „престолу" лишь до тѣхъ поръ, пока „престолъ" остерегается протягивать руку къ ея сердцу, т. е. къ ея кошельку, и избѣгаетъ введенія подоходнаго налога. Какъ только царизмъ, проявлявшій до сихъ поръ истинно отеческую заботливость объ интересахъ „всероссійскаго купечества", окажется не въ состояніи играть роль насоса, который, выкачивая содержимое народнаго кармана, переливалъ его въ карманъ буржуазіи, эта послѣдняя тотчасъ увидитъ, что ей не остается ничего другого, какъ съ честью похоронить своего „обожаемаго" родителя. И она не замедлитъ исполнить эту священную обязанность. Правда, ей придется не только хоронить родителя, но предварительно содѣйствовать переселенію его въ лучшій міръ. Но что же дѣлать! Въ политикѣ иногда неизбѣжны подобныя маленькія неудобства.... для „обожаемыхъ" родителей.

Но буржуазія не единственная у насъ общественная сила, угрожающая самодержавію. Тамъ, гдѣ есть буржуазія, есть и пролетаріатъ. Пролетарій и „мужичекъ"

это настоящіе политическіе антиподы. Историческая роль пролетаріата настолько же революціонна, насколько консервативна роль „мужичка". На „мужичкѣ" цѣлыя тысячелѣтія непоколебимо держались восточныя деспотіи. Пролетаріатъ въ сравнительно очень короткое время расшаталъ всѣ „основы" западно-европейскаго общества. Въ Россіи же его развитіе и политическое воспитаніе пдетъ несравненно скорѣе, чѣмъ шло на Западѣ. Въ Россіи пролетаріатъ растетъ, мужаетъ и крѣпнетъ буквально не по днямъ, а по часамъ, какъ сказочный богатырь. Въ какія-нибудь десять-двѣнадцать лѣтъ онъ измѣнился до неузнаваемости. Слѣдя за русской общественной жизнью настоящаго времени и наблюдая проявленія умственныхъ и политическихъ стремленій русскаго пролетаріата — той жажды знанія, которая овладѣла пмъ теперь, и той жажды борьбы, которая нераздѣльна у него съ жаждой знанія,—испытываешь впечатлѣніе человѣка, который встрѣтивъ носящаго хорошо извѣстное имя здороваго, полнаго силъ юношу, со сложившимися уже убѣжденіями и съ непоколебимой вѣрой въ будущее, удивленно спрашиваетъ себя: да неужели это тотъ самый X., котораго я зналъ ребенкомъ,—понятливымъ, бойкимъ, но все-таки ребенкомъ? И замѣтьте, товарищи, что русскій пролетаріатъ особенно окрѣпъ и развился въ царствованіе Александра III, т. е. въ эпоху самой свирѣпой реакціи и самаго безотраднаго застоя, въ такую эпоху, когда „интеллигенція" безнадежно опускала руки, теряя вѣру и въ самое себя, и въ свои „идеалы". Если бы надо было привести примѣръ такой страны, въ которой общественное развитіе быстро подвигается впередъ, несмотря на всѣ усилія всемогущихъ, повидимому, реакціонеровъ, то Россія послѣдняго десятилѣтія была бы лучшимъ и самымъ поразительнымъ изо всѣхъ примѣровъ этого рода. Въ этой странѣ, гдѣ былъ произнесенъ смертный приговоръ надъ образованіемъ и надо всякими „завиральными" идеями, и гдѣ сами сторонники этихъ идей начинали думать, что ничѣмъ нельзя остановить исполненіе этого страшнаго приговора, въ этой подавленной, умственно и матерь-

яльно обнищалой странѣ, незамѣтно и безшумно, но неуклонно и неудержимо совершается молекулярная работа внутренняго обновленія, и между тѣмъ какъ разочарованная „интеллигенція“ смѣется надъ идеалами своихъ „людей стараго поведенія“ или увлекается странными фантазіями страннаго графа, рабочій классъ учится, читаетъ, знакомится съ движеніемъ западнаго пролетаріата, проникается непримиримой ненавистью къ деспотизму, сознаніемъ своей силы, своихъ интересовъ и своего достоинства, и тѣмъ самымъ обращаетъ въ полнѣйшее ничто десятилѣтнія усилія реакціи. Россія девяностыхъ годовъ оказывается гораздо болѣе созрѣвшей для революціи, чѣмъ была Россія семидесятыхъ годовъ въ самый сильный разгаръ тогдашняго революціоннаго движенія.

Когда я пишу эти строки, когда я указываю на это явленіе, незамѣтное только для того, кто не хочетъ его замѣтить, мнѣ неожиданно вспоминается сравненіе, съ помощью котораго величайшій изъ философовъ-идеалистовъ хотѣлъ изобразить ходъ развитія „*всемірнаго духа*“. Я не помню подлинныхъ выраженій философа и не вижу надобности справляться въ его книгѣ. Я воспроизведу поэтическій образъ такъ, какъ онъ воскресаетъ теперь въ моей памяти.

Движеніе всемірнаго духа принимаетъ въ разныя времена разныя формы. Иногда онъ идетъ семимильными шагами, совершая множество самыхъ блестящихъ завоеваній, и, ничѣмъ не довольный, онъ уже нынѣ отрицаетъ тѣ результаты, къ которымъ пришелъ вчера. Таковы эпохи великихъ историческихъ событій, умственныхъ и общественныхъ переворотовъ. Иногда же движеніе всемірнаго духа становится медленнѣе, даже, повидимому, совсѣмъ прекращается, и намъ кажется, что наступаетъ печальное время застоя. Но это только повидимому, это только кажется. На самомъ дѣлѣ всемірный духъ лишь покидаетъ поверхность исторической почвы и устремляется въ глубину, скрывающую отъ нашихъ глазъ его работу. Онъ роется какъ кротъ,

прокладывая себѣ новые, невидимые и невѣдомые намъ подземные ходы. И только когда оканчивается эта кротовая работа, когда, благодаря ей, снова начинаетъ колебаться историческая почва, когда опять наступаетъ эпоха великихъ общественныхъ потрясеній, мы съ удивленіемъ видимъ, что всемірный духъ ушелъ впередъ на огромное разстояніе, и что время мнимаго застоя было временемъ плодотворнѣйшаго развитія. И тогда мы уясняемъ себѣ значеніе его подземной работы, тогда мы готовы восторженно воскликнуть словами Гамлета: „Кротъ, ты хорошо роешь!“

Да, товарищи, наблюдая ходъ русскаго общественнаго развитія, мы должны признать, что кротъ хорошо роетъ. Мы видимъ, что развитіе капитализма принесло съ собой не только окончательное раззореніе крестьянскаго хозяйства и не только истощеніе русской почвы. Оно подорвало основы самодержавія и вызвало къ жизни тѣ общественные классы, которымъ суждено быть его могильщиками. Одинъ изъ этихъ новыхъ на Руси общественныхъ классовъ, — и наиболѣе революціонный изъ нихъ: **пролетаріатъ**—уже теперь, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, хорошо сознаетъ свои политическія задачи*). Другой — отсталый, буржуазія — долженъ будетъ сознать *свои* подъ страхомъ раззоренія. Это уже огромный шагъ впередъ, это надежное ручательство за лучшее будущее, это полное отрицаніе азіатскаго застоя, составлявшаго когда-то отличительную черту Россіи. Наши славянофилы и охранители всякаго рода ужасно любили противопоставлять спокойную, консервативную Россію безпокойному, революціонному Западу. Подобное противопоставленіе имѣло смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока внутреннія отношенія Россіи не уподобились внутреннимъ отношеніямъ западной Европы. Теперь оно становится безсмысленнымъ, потому что теперь старый

---

*) См. рѣчи, произнесенныя рабочими на тайномъ собраніи въ Петербургѣ по поводу 1-го Мая 1891 г. (Рабочая Библіотека, выпускъ шестой).

экономическій строй Россіи разсыпается какъ карточный домикъ, какъ гнилушка, истлѣвшая и обратившаяся въ пыль. И теперь всѣ мы, враги существующаго порядка, чувствуемъ, наконецъ, твердую почву подъ ногами. *Теперь пришло наше время!*

Дорого обошлось Россіи это коренное измѣненіе ея экономическаго строя. Въ особенности тяжелъ для нея нынѣшній кризисъ. Но не мы отвѣтственны за ея страданія. Не нами они были подготовлены, не нами вызваны. Ихъ подготовили и вызвали тѣ самыя общественныя отношенія, которыя мы стараемся уничтожить. Мы окажемся виноватыми передъ своей страной только въ томъ случаѣ, если будемъ смотрѣть на ея бѣдствія сложа руки, если не захотимъ или не съумѣемъ такъ направить свою дѣятельность, чтобы самыя бѣдствія послужили для Россіи залогомъ будущаго благосостоянія.

Такая дѣятельность является теперь и нравственно обязательной, и политически необходимой. И все ручается за ея успѣхъ. Намъ стоитъ только захотѣть, стоитъ только проявить ту настойчивость, ту энергію, ту страсть, безъ которыхъ не дѣлается ничего великаго въ исторіи, чтобы обезпечить себѣ побѣду.

Наши народники горько плачутъ о превращеніи русскаго крестьянина въ пролетарія. Ихъ представленія не идутъ дальше угрожающей пролетарію бѣдности. Но развѣ мало бѣдствовалъ *крестьянинъ*? Развѣ царизмъ не обѣщалъ намъ увѣковѣчить то мнимое благосостояніе „мужичка", благодаря которому этотъ послѣдній, по призванію самихъ реакціонеровъ, даже въ самые урожайные годы могъ бы показаться европейцу полумертвымъ отъ голода нищимъ? О, нѣтъ, пора разогнать славянофильскій туманъ, пора, давно пора понять, что развитіе пролетаріата обѣщало намъ не увеличеніе народныхъ страданій — въ этомъ отношеніи русскому народу дальше идти уже некуда — *а появленіе возможности успѣшной борьбы съ ними.*

Надо, однако, кончить это письмо. Подведемъ итогъ сказанному.

Если развитіе капитализма и упадокъ крестьянскаго хозяйства давно уже все болѣе и болѣе и съ разныхъ сторонъ революціонизировали русскія общественныя отношенія, то нынѣшній голодъ сводитъ во едино всѣ ихъ разносторонння и многообразныя вліянія. Онъ представляетъ собою экономическій прологъ предстоящей намъ политической революціи.

Слѣдовательно.... но кажется излишне и прибавлять это—слѣдовательно, правы люди, держащіеся революціоннаго способа дѣйствій. **Ихъ революціонныя стремленія являются лишь сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго историческаго процесса.**

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Наши задачи.

Ohne klassenbewusste Arbeiter, kein Sozialismus.

(Изъ нѣмецкаго „Соціаль-демократа" восьмидесятыхъ годовъ.)

Дорогіе товарищи,

Уяснивъ себѣ современное положеніе дѣлъ въ Россіи, перейдемъ къ опредѣленію тѣхъ задачъ, которыя оно ставитъ передъ нами, *соціалистами*.

Мы мидимъ, что Россіи предстоитъ пережить революцію, и мы признали, что вполнѣ правы люди, предпочитающіе революціонный способъ дѣйствій. Мы видѣли также, что предстоящая нашей странѣ революція принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ *политическихъ* революцій, т. е. что непосредственнымъ результатомъ ея будетъ измѣненіе нашего политическаго строя, *паденіе самодержавія*. Спрашивается,—какую же собственно роль должны взять на себя соціалисты въ этой политической революціи?

Ставя этотъ вопросъ, я не имѣю въ виду доказывать вамъ, что и „*политическія*" революціи могутъ быть полезны дѣлу соціализма. Это азбучная истина, извѣстная теперь всѣмъ и каждому. Правда, было время, когда

русскіе соціалисты сомнѣвались въ ней. Но это время прошло безвозвратно, и теперь никому изъ нихъ не придетъ въ голову оспаривать ее. Теперь всѣ они понимаютъ, какъ много пользы ихъ дѣлу принесетъ торжество политической свободы въ Россіи.

Но если это такъ, то кажется, что вопросъ исчерпанъ до дна. Если торжество политической свободы будетъ полезно для нашего дѣла, то ясно, что надо добиваться политической свободы и отложить рѣшеніе всѣхъ прочихъ, спорныхъ вопросовъ до того счастливаго времени, когда судьба Россіи будетъ вырвана изъ рукъ коронованнаго урядника, и мы получимъ возможность, не боясь „законнаго“ возмездія, спорить при полномъ свѣтѣ дня, думать то, что хотимъ, и говорить то, что думаемъ. Согласіе родитъ силу, а мы какъ бы нарочно стараемся плодить разногласія и притомъ плодить ихъ по такимъ вопросамъ, которые не имѣютъ теперь практическаго значенія.

Часто приходится слышать такія рѣчи въ нашей революціонной средѣ, и не менѣе часто сыплются упреки и нареканія по адрессу соціаль-демократовъ, будто бы обнаруживающихъ особенное пристрастіе къ спорамъ о совершенно несущественныхъ теперь вопросахъ. „Вы отстаиваете дѣло, котораго конечно нельзя не признать очень хорошимъ дѣломъ — говорятъ русскимъ соціаль-демократамъ ихъ противники. — Но этого хорошаго дѣла нельзя дѣлать теперь, при существующихъ у насъ политическихъ условіяхъ. Другими словами, ваше хорошее дѣло есть пока еще, къ сожалѣнію, совершенно невозможное дѣло. А между тѣмъ, ради этого, невозможнаго пока, дѣла вы поднимаете огромный шумъ и нескончаемые споры. Вы отталкиваете однихъ, запугиваете другихъ, и въ концѣ концовъ вредите и самымъ себѣ, и всей Россіи. И это тѣмъ болѣе жаль, что между вами есть право же не совсѣмъ бездѣльные люди.“

Впрочемъ, въ самое послѣднее время русскимъ соціаль-демократамъ приходилось слышать о себѣ и другіе, болѣе снисходительные отзывы. Въ моей статьѣ „*Всероссійское раззореніе*“ нѣкоторые увидѣли отказъ отъ

прежней социаль-демократической программы и не то поворотъ, не то отступленіе въ сторону „чистой политики", политики свободной отъ примѣси невозможнаго теперь „соціализма". И меня хвалили за это отступленіе, чуть не поздравляли съ нимъ. Не скрою, что подобныя похвалы и поздравленія доставили бы мнѣ большее удовольствія, если бы я могъ считать ихъ заслуженными. Вотъ почему я прошу людей, хвалившихъ меня за названную статью, внимательно прочесть предлагаемое письмо. Если они и по прочтеніи его не возьмутъ назадъ своихъ похвалъ, то значитъ между нами дѣйствительно нѣтъ никакихъ разногласій, и наши прежніе споры съ нѣкоторыми изъ „чистыхъ политиковъ" были плодомъ недоразумѣнія. Мнѣ и моимъ товарищамъ было бы очень пріятно убѣдиться въ этомъ.

Что же касается до сыплющихся на насъ нападокъ, то я надѣюсь, что дальнѣйшее изложеніе покажетъ, насколько они основательны и насколько маловажны тѣ вопросы, которые въ особенности интересуютъ теперь русскихъ соціаль-демократовъ.

Въ статьѣ „Всероссійское раззореніе" я сказалъ, что „всѣ тѣ честные русскіе люди, которые, не принадлежа къ міру дѣльцовъ, купцовъ и чиновниковъ, не ищутъ своей пользы въ бѣдствіяхъ народа, должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль учредительнаго собранія, т. е. положить *основы новаго общественнаго порядка въ Россіи.*

„Разумѣется,—прибавилъ я,—въ дѣлѣ подобной агитаціи непремѣнно должны обнаружиться партіонныя и фракціонныя различія, существующія въ средѣ людей революціоннаго или оппозиціоннаго образа мыслей. Но эти различія ничему не помѣшаютъ. Пусть каждая партія и каждая фракція дѣлаетъ дѣло, подсказываемое ей ея программой. Результатомъ разнородныхъ усилій явится новый общественно-политическій строй, который во *всякомъ случаѣ* будетъ большимъ пріобрѣтеніемъ для всѣхъ партій, кромѣ достаточно уже опозорившейся *партіи кнута и палки.*"

Какое же дѣло подсказывается соціалистамъ *ихъ* програмой?

Замѣтьте, товарищи, что словомъ соціализмъ очень много злоупотребляли въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Какой реакціонеръ, какой буржуа не говорилъ при случаѣ, въ особенности, чтобы одурачить своихъ избирателей, что онъ — *тоже* соціалистъ и вполнѣ сочувствуетъ „правильному рѣшенію соціальнаго вопроса“. Въ виду этого я долженъ замѣтить, что я совершенно оставляю безъ вниманія гг. „тоже-соціалистовъ“ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ и буду говорить только о настоящихъ соціалистахъ, т. е. о тѣхъ людяхъ, которымъ *слово* соціализмъ не служитъ орудіемъ въ борьбѣ съ соціалистическимъ *дѣломъ*.

Что такое соціалистическое движеніе?

Если бы такой вопросъ задали соціалисту тридцатыхъ годовъ, — напримѣръ, одному изъ послѣдователей знаменитаго Фурье, — онъ отвѣтилъ бы приблизительно слѣдующее: „Нашъ геніальный учитель открылъ и изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ цѣлый рядъ истинъ, существованія которыхъ до сихъ поръ не подозрѣвало человѣчество. На основаніи этихъ открытій онъ подробно разработалъ планъ новаго общественнаго устройства, которое одно только и можетъ избавить людей отъ ихъ безчисленныхъ нравственныхъ и матерьяльныхъ бѣдствій. Современное соціалистическое движеніе, — истинное, достойное своего названія соціалистическое движеніе, — сводится къ распространенію идей нашего учителя и къ ихъ практическому осуществленію, т. е. къ устройству придуманныхъ имъ *фаланстеровъ*.“

Такой отвѣтъ былъ бы совершенно правиленъ въ тридцатыхъ годахъ. Соціалистическое движеніе дѣйствительно сводилось тогда къ распространенію идей различныхъ соціалистическихъ школъ и къ попыткамъ ихъ практическаго осуществленія. При этомъ само собою разумѣется, что каждая школа считала истиннымъ соціализмомъ, именно ученіе своего основателя.

Но теперь дѣло обстоитъ не такъ. Современному соціалисту соціалистическое движеніе представляется

совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ представлялось оно соціалисту тридцатыхъ годовъ. Уже незадолго до революціоннаго 1848 года между соціалистами явились люди, смотрѣвшіе на соціализмъ съ совершенно новой точки зрѣнія. Съ этой новой точки зрѣнія главнѣйшей ошибкой соціалистовъ прежняго времени было именно то обстоятельство, что „дальнѣйшая исторія всего міра сводилась для нихъ къ пропагандѣ и къ практическому осуществленію ихъ реформаторскихъ плановъ“.*) Соціалисты новаго образа мыслей видѣли въ дальнѣйшей исторіи цивилизованнаго міра нѣчто другое и несравненно болѣе обѣщающее.

Что же именно видѣли въ ней соціалисты новаго образа мыслей? Прежде всего **борьбу классовъ**, борьбу **эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами, пролетаріата съ буржуазіей.** Затѣмъ, они видѣли въ ней неизбѣжно предстоящее торжество пролетаріата, паденіе нынѣшняго, буржуазнаго общественнаго порядка, соціалистическую организацію производства и соотвѣтствующую ей перемѣну во взаимныхъ отношеніяхъ людей, т. е. между прочимъ и уничтоженіе классовъ. Хорошо — лучше своихъ предшественниковъ—понимая, что соціалистическая революція означаетъ полный переворотъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, соціалисты новаго направленія совсѣмъ не занимались, однако, разработкой плана будущаго общественнаго устройства. Они считали это безполезной тратой времени, такъ какъ частности будущаго строя опредѣлятся въ свое время такими обстоятельствами, которыхъ невозможно предвидѣть, а общія его основанія достаточно опредѣляются *научной* критикой существующихъ общественныхъ отношеній, т. е. критикой, основанной не на симпатіяхъ или антипатіяхъ реформаторовъ, а на изслѣдованіи историческаго хода развитія нынѣшняго общественнаго порядка. Соціалисты новаго образа мыслей разъ

---

*) „Манифестъ Коммунистической Партіи“ Карла Маркса и Фридриха Энгельса, глава III.

навсегда разорвали съ *утопіями* и стали на точку зрѣнія *науки*. Эту заслугу признали за ними даже ихъ враги, которые стали называть новѣйшій соціализмъ *научнымъ соціализмомъ*. Послѣдователи научнаго соціализма являются теперь единственными соціалистами, заслуживающими этого названія.

Если для послѣдователей научнаго соціализма вся дальнѣйшая исторія буржуазнаго общества сводится къ борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей, то и всѣ ихъ практическія задачи подсказываются имъ именно этой борьбой классовъ. Безусловно стоя на сторонѣ пролетаріата, новѣйшіе соціалисты всѣми силами стараются облегчить и ускорить его побѣду. Но что же могутъ сдѣлать они въ этомъ смыслѣ? Необходимымъ условіемъ побѣды пролетаріата является сознаніе имъ своего положенія, своихъ отношеній къ эксплуататорамъ, своей исторической роли и своихъ соціально-политическихъ задачъ. Поэтому новѣйшіе соціалисты и считаютъ своей главнѣйшей, чтобы не сказать единственной, обязанностью содѣйствіе росту этого сознанія пролетаріата, которое они кратко называютъ его **классовымъ сознаніемъ.** Ростомъ классового сознанія пролетаріата измѣряются для нихъ всѣ успѣхи соціалистическаго движенія. Все, что содѣйствуетъ этому росту, они считаютъ полезнымъ для своего дѣла; все, что замедляетъ его — вреднымъ; все, что не оказываетъ на него ни того, ни другого вліянія, безразличнымъ, *политически* неинтереснымъ.

Но можно различно содѣйствовать росту классового сознанія пролетаріата. Можно содѣйствовать ему **посредственно,** можно содѣйствовать — **непосредственно.** Такъ, напримѣръ, если я занимаюсь соціалистической пропагандой въ средѣ пролетаріата и его организаціей, если я, какъ членъ соціалистической партіи, способствую выдѣленію пролетаріата въ особую политическую партію, противостоящую всѣмъ партіямъ эксплуататоровъ, я **непосредственно** содѣйствую его росту классового сознанія. Но положимъ, что я, гражданинъ данной свободной страны, съ успѣхомъ отстаиваю интересы сво-

бодной торговли. Говоря вообще, свободная торговля дѣйствуетъ разрушительно на буржуазныя общественныя отношенія. „Она разлагаетъ прежнія національности и доводитъ до крайности противоположность между продетаріатомъ и буржуазіей. Словомъ, система свободной торговли ускоряетъ соціальную революцію“.*) Поэтому, и я, способствуя торжеству свободной торговли, до извѣстной степени расшатываю существующій буржуазный порядокъ. А чѣмъ болѣе будетъ расшатанъ буржуазный порядокъ, чѣмъ скорѣе будетъ рости классовое сознаніе пролетаріата: неустойчивость общественныхъ отношеній естественно будетъ наводить его на мысль объ ихъ негодности. Но можно ли сказать, что поскольку мои усилія ускоряютъ торжество свободной торговли, по стольку я дѣлаю то самое дѣло, которое дѣлаютъ современные соціалисты? Нѣтъ. Соціалистическая дѣятельность **непосредственно** способствуетъ росту классового сознанія пролетаріата. Я же содѣйствую ему лишь **посредственно**, такъ какъ росту классового сознанія пролетаріата способствуетъ собственно не свобода торговли — цѣль моихъ усилій — а та неустойчивость буржуазныхъ общественныхъ отношеній, которая явится **послѣдствіемъ** свободной торговли, и которой я вовсе не имѣю въ виду. Соціалисты могутъ признать мою дѣятельность косвенно полезной для ихъ партіи, но у нихъ не будетъ никакихъ основаній признать меня *своимъ* человѣкомъ.

Ну, а если я отстаиваю свободу торговли именно ради ея разрушительныхъ послѣдствій? Если я выступаю ея защитникомъ единственно потому, что она „ускоряетъ соціальную революцію“? Тогда я — соціалистъ, и тогда другіе соціалисты не могутъ не признать меня своимъ товарищемъ. Не такъ ли?

Нѣтъ, опять не такъ. Каковы бы ни были послѣдствія свободной торговли, отстаивать ее можно двумя,

---

*) Карлъ Марксъ, „Рѣчь о свободѣ торговли“, четвертый выпускъ Библіотеки Современнаго Соціализма. Женева 1885, стр. 22.

совершенно различными путями: или 1) въ борьбѣ за нее примкнуть къ тѣмъ слоямъ буржуазіи, которымъ торжество ея принесетъ прямыя экономическія выгоды; или 2) стараться сдѣлать сторонникомъ свободной торговли пролетаріатъ, которому выгодны будутъ ея разрушительныя послѣдствія, и который можетъ сильно способствовать ея торжеству своей поддержкой. Если вы избираете второй путь, то вы, разумѣется, дѣлаете соціалистическое дѣло: вѣдь, чтобы пролетаріатъ поддерживалъ желательную вамъ свободу торговли на томъ основаніи, что она „ускоряетъ соціальную революцію", вы должны прежде сдѣлать его сознательнымъ сторонникомъ этой революціи, т. е. иначе сказать, вы должны вести соціалистическую пропаганду въ его средѣ, должны **непосредственно** содѣйствовать росту его классоваго сознанія. Въ такомъ случаѣ удивительно будетъ одно: какъ это вы, соціалистъ, пришли къ мысли о необходимости соціалистической пропаганды лишь посредствомъ соображеній о разрушительныхъ послѣдствіяхъ свободной торговли? Вѣдь къ этой мысли можно было подойти гораздо проще.

Но если вы предпочитаете первый путь, если вы боретесь за свободу торговли въ рядахъ буржуазіи, то **фактически** вы—буржуа, какъ бы вы ни разсуждали о послѣдствіяхъ вашей побѣды. Политическое значеніе каждаго дѣятеля опредѣляется дѣйствительнымъ характеромъ его политической дѣятельности, а не тѣмъ, что онъ думаетъ о ней. Что дѣлаете вы въ рядахъ вашихъ буржуазныхъ союзниковъ? То же самое, что дѣлаютъ всѣ они: вы боретесь за свободную торговлю. И только. Вы знаете при этомъ, что свободная торговля ускоряетъ соціальную революцію. Союзники ваши этого не знаютъ. Но это безразлично. Ваши союзники, съ такою же энергіей какъ и вы, добиваются свободы торговли; слѣдовательно, они столь же дѣятельно ускоряютъ соціальную революцію. Это не мѣшаетъ имъ, однако, оставаться чистокровными буржуа. Не мѣшаютъ и вамъ **фактически** быть чистокровнымъ буржуазнымъ

дѣятелемъ ваши **размышленія** о разрушительныхъ послѣдствіяхъ свободной торговли.

Развитіе капитализма безъ всякаго сомнѣнія ускоряетъ соціальную революцію. Слѣдовательно, соціальную революцію ускоряетъ каждый буржуа, дѣятельность котораго способствуетъ развитію капитализма. Но было бы очень странно, если бы кто нибудь вздумалъ на этомъ основаніи причислять буржуазныхъ дѣльцовъ къ соціалистамъ. Ускорять соціальную революцію могутъ даже люди, дѣятельность которыхъ прямо направлена на борьбу съ соціализмомъ. Нѣкоторые нѣмецкіе соціаль-демократы думаютъ, что извѣстный исключительный законъ противъ соціалистовъ принесъ не малую пользу ихъ партіи. Если это мнѣніе справедливо, то выходитъ, что, вводя исключительный законъ, Бисмаркъ тѣмъ самымъ ускорялъ соціальную революцію въ Германіи. Но кто же назоветъ соціалистомъ человѣка, стремившагося нанести смертельный ударъ соціаль-демократической партіи?

Повторяю, какъ бы ни разсуждали вы о *послѣдствіяхъ* вашей политической дѣятельности, соціалистомъ можно признать васъ только въ томъ случаѣ, когда она, ваша дѣятельность, *непосредственно* способствуетъ росту классового сознанія пролетаріата. Если же она не оказываетъ такого, непосредственнаго вліянія, то вы совсѣмъ не соціалистъ, хотя бы болѣе или менѣе отдаленныя послѣдствія вашей *не* соціалистичеткой дѣятельности и принесли потомъ большую или меньшую пользу дѣлу соціализма.

Само собою разумѣется, товарищи, что указывая важнѣйшій и непосредственнѣйшій признакъ соціалистической дѣятельности, я не хочу этимъ сказать, что всякій, кто не хочетъ измѣнить красному знамени, непремѣнно долженъ заниматься или сочиненіемъ соціалистическихъ книгъ, или ихъ распространеніемъ и вообще пропагандой въ средѣ пролетаріата и его организаціей. Отдѣльныя *лица*, принадлежа къ соціалистической *партіи* могутъ заниматься и другими дѣлами, ни на минуту *не переставая быть* соціалистами.

Положимъ, что соціалистическая партія данной страны рѣшила устроить тайныя убѣжища для своихъ членовъ, навлекшихъ на себя правительственныя преслѣдованія. Она поручаетъ это дѣло мнѣ и нѣкоторымъ другимъ товарищамъ. Мы охотно и ревностно исполняемъ ея порученіе. Наша личная дѣятельность не направлена непосредственно на развитіе классового сознанія пролетаріата. Но неужели, занимаясь ею, мы перестаемъ быть соціалистами? Никто не скажетъ, что — да. Но почему же не скажетъ? Потому что, занимаясь своимъ дѣломъ, мы не только не перестали принадлежать къ *партіи, непосредственно содѣйствующей росту классового сознанія пролетаріата*, но и взялись-то за это дѣло по ея порученію. Другой примѣръ. Соціалистическая партія данной страны рѣшила, что скоро ей придется вступить въ открытую борьбу съ правительствомъ. Успѣхъ борьбы много зависитъ, конечно, отъ того, какъ поведетъ себя въ рѣшительную минуту войско. И вотъ партія поручаетъ извѣстному числу своихъ членовъ заняться революціонной пропагандой въ войскѣ. Солдатъ, конечно, можно разсматривать какъ пролетаріевъ, одѣтыхъ въ военные мундиры. Слѣдовательно, относительно лицъ, выясняющихъ имъ цѣли соціализма, интересующій насъ вопросъ не можетъ и возникнуть. Но онъ вполнѣ умѣстенъ относительно лицъ, имѣющихъ дѣло исключительно съ офицерами. Перестаютъ ли эти лица быть соціалистами? Нисколько. Почему же нѣтъ? Опять таки потому, что дѣятельность ихъ опредѣляется нуждами такой партіи, которая непосредственно содѣйствуетъ росту классового сознанія пролетаріата. А если бы они не принадлежали къ ней? Они тотчасъ же перестали бы быть соціалистами, потому что тогда работа ихъ сразу потеряла бы всякую связь съ прямымъ и непосредственнымъ соціалистическимъ дѣломъ.—Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести очень много. Но мысль моя, надѣюсь, достаточно ясна. Вся она выражается въ эпиграфѣ этого письма: **безъ рабочихъ, сознающихъ свои классовые интересы, нѣтъ соціализма.**

Ничего не можетъ быть проще этой мысли. Я увѣ-

ренъ, что многимъ изъ моихъ читателей она кажется аксіомой. Но она не всегда была аксіомой. Соціалисты-утописты объявили бы ее совершенно ошибочной. И понятно — почему. Мысль эта представляетъ собою неизбѣжное логическое слѣдствіе понятія о соціалистическомъ движеніи, какъ о классовой борьбѣ между пролетаріатомъ и буржуазіей. Соціалисты-утописты чужды были этого понятія, они еще не доросли до него. Неудивительно, что и опирающіяся на него мысли показались бы имъ неосновательными, парадоксальными, чуть не безнравственными. А до какой степени соціалисты-утописты чужды были понятія о классовой борьбѣ, покажетъ хотя бы слѣдующее.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Германіи существовало что-то въ родѣ обозрѣнія, называвшагося „Die gesellschaftliche Zustände“. Во второмъ томѣ этого изданія мы находимъ чрезвычайно замѣчательный взглядъ на соціалистическое движеніе во Франціи съ одной стороны и въ Германіи—съ другой. Оказывается, что во Франціи „соціальнымъ вопросомъ“ занимается почти исключительно пролетаріатъ, а въ Германіи—„имущій классъ“. По словамъ автора, этотъ классъ, едва лишь за два года передъ тѣмъ обратившій вниманіе на соціальный вопросъ*), въ главномъ совершенно согласенъ съ неимущимъ классомъ во Франціи и не менѣе его увлекается соціальнымъ движеніемъ. „Не служитъ ли это — спрашиваетъ авторъ—достаточнымъ доказательствомъ того, что ни одинъ изъ общественныхъ классовъ не можетъ быть названъ причиной нашихъ многоразличныхъ общественныхъ бѣдствій?“ Далѣе мы узнаемъ, что политическія формы безразличны для людей, стремящихся къ рѣшенію соціальнаго вопроса. *Западъ* (die westlichen Länder) обладаетъ болѣе или менѣе демократическими конституціями, а между тѣмъ бѣдности тамъ не меньше, чѣмъ въ восточныхъ странахъ, гдѣ существуетъ автократія. „Поэтому для насъ всѣ либерально-

*) Это было писано въ 1847 г.

политическія стремленія даже болѣе чѣмъ безразличны: они намъ формально отвратительны".*)

Вы видите, товарищи, что, человѣкъ написавшій приведенныя строки, не только не сочувствовалъ классовой борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей, не только держался того мнѣнія, что въ Германіи „имущій классъ" (т. е. собственно, по теперешней русской терминологіи, **интеллигенція**) сыграетъ такую же историческую роль, какую игралъ во Франціи пролетаріатъ, но и вообще связывалъ со словами „общественный классъ" чрезвычайно смутное представленіе. Никто не можетъ считать буржуазію **причиной** буржуазнаго общественнаго порядка. Буржуазія сама явилась какъ безсознательный плодъ того историческаго процесса, который создалъ нынѣшній общественный порядокъ. Но разъ занявъ свое мѣсто въ обществѣ и понявъ свои классовые интересы, она является **сознательной** защитницей нынѣшняго общественнаго порядка, и пролетаріату надо будетъ преодолѣть ея сопротивленіе, чтобы устранить этотъ порядокъ. Вотъ и все. Борьба пролетаріата съ буржуазіей—не выдумка соціалистовъ извѣстной школы и не какой нибудь тактическій пріемъ, измышленный фанатикомъ-революціонеромъ, а такая же роковая историческая необходимость, какою была въ свое время борьба буржуазіи съ феодальнымъ дворянствомъ. Въ настоящее время излишне даже говорить, что примѣръ „имущаго класса" Германіи доказываетъ какъ разъ обратное тому, что хотѣлъ доказать нѣмецкій соціалистъ-утопистъ сороковыхъ годовъ. Этотъ классъ ровно ничего не сдѣлалъ для рѣшенія „соціальнаго вопроса", а если принадлежавшіе къ нему молодые люди того времени увлекались соціализмомъ, то съ ихъ стороны это было, разумѣется, очень хорошо, но это прекрасно объясняется тогдашнимъ политическимъ состояніемъ Германіи. Послѣ 1848 года нѣмецкая „интеллигенція" интересовалась соціализмомъ развѣ только какъ грознымъ чудовищемъ, ко-

*) Die geselschaftliche Zustände, 1847, B. II, S.S. 1—2.

торое надо побороть во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось поступиться самыми „непререкаемыми“ правами гражданъ. Теперь въ Германіи, какъ и во Франціи, подъ соціалистическимъ знаменемъ идетъ **только** рабочій, только „неимущій“ классъ, противъ котораго и измышляются поэтому „исключительные“ законы. Теперь разсужденія, подобныя вышеприведеннымъ, можно услышать только въ Россіи, гдѣ довольно часто даже революціонеры толкуютъ о томъ, что мы не „Западъ“ и проч. (причемъ у насъ Германія причисляется уже къ западнымъ странамъ, между тѣмъ какъ прежде нѣмецкіе утописты противопоставляли ее Западу). Западно-европейская жизнь ушла очень далеко впередъ со времени сороковыхъ годовъ, и чѣмъ дальше шла она, тѣмъ больше выяснялось роковое и революціонное значеніе классовой борьбы какъ для соціалистовъ, такъ даже и для ихъ враговъ, защитниковъ нынѣшняго общественнаго порядка.

Прежде чѣмъ идти далѣе, сдѣлаю еще одну оговорку. Если я утверждаю, что содѣйствіе росту классового сознанія пролетаріата есть единственное дѣло и прямая, священная обязанность соціалистовъ, то это не значитъ, что современные соціалисты стоятъ за пропаганду, только за пропаганду и ни за что, кромѣ пропаганды. Въ широкомъ смыслѣ слова это, пожалуй, и такъ, но только въ **очень** широкомъ смыслѣ. Когда на Парижскомъ международномъ конгрессѣ 1889 г. соціалисты рѣшили добиваться восьмичасового дня, то они, разумѣется, имѣли при этомъ въ виду, что рабочія демонстраціи въ пользу ихъ рѣшенія будутъ превосходнымъ средствомъ пропаганды ихъ идей. Но вѣдь демонстрація есть въ то же время и **агитаціонное** средство. Вообще не легко провести границу между агитаціей и тѣмъ, что обыкновенно называется пропагандой. Агитація—это та же пропаганда, но пропаганда, имѣющая мѣсто при особыхъ условіяхъ, именно, при условіяхъ, заставляющихъ прислушиваться къ словамъ пропагандиста даже такихъ людей, которые не обратили бы на нихъ вниманія въ обычное время. Пропаганда —

это агитація, совершающаяся при обыкновенномъ, будничномъ теченіи жизни данной страны. Агитація — это пропаганда, поводомъ для которой служатъ не совсѣмъ обыкновенныя событія, вызывающія нѣкоторый подъемъ въ общественномъ настроеніи. Соціалисты были бы очень плохими политиками, если бы они не пользовались для своихъ цѣлей такого рода выдающимися событіями.

Предположимъ, что агитація въ пользу восьмичасового дня уже увѣнчалась успѣхомъ. Испуганная постоянно возростающимъ напоромъ рабочаго движенія, буржуазія уступила. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ законъ ограничилъ рабочій день восемью часами. Это огромная побѣда соціализма, но спрашивается, неужели всѣ тѣ рабочіе, усилія которыхъ привели къ побѣдѣ, были соціалистами? Навѣрное—нѣтъ. Между ними были, конечно, и соціалисты, было много соціалистовъ, которымъ принадлежала руководящая роль, которые шли впереди, увлекая за собой колеблющихся и нерѣшительныхъ. Но вѣдь были же, стало быть, и колеблющіеся, и нерѣшительные? Отчего же они колебались, отчего они были нерѣшительны? Оттого ли, что они вообще нерѣшительны и склонны къ колебаніямъ? Отчасти, можетъ быть, и оттого, а отчасти, и ужъ навѣрное, еще и оттого, что они не вполнѣ выяснили себѣ выгоды восьмичасового дня, и что, вообще, не усвоивъ соціалистическихъ идей, они еще не прониклись той жаждой борьбы за лучшее будущее, которая вызывается стройнымъ, послѣдовательнымъ революціоннымъ міросозерцаніемъ. Словомъ, эти люди еще не были соціалистами. Но теперь посмотрите же — что вышло. Соціалисты увлекли на борьбу за чрезвычайно полезное для соціализма дѣло такихъ людей, которые еще не были соціалистами. Другими словами, люди еще не бывшіе соціалистами **уже** работали на пользу соціализма. И это сдѣлала агитація! Благодаря ей, соціалисты могли употребить въ дѣло не только тѣ силы, которыя принадлежатъ имъ въ настоящее время, но также и тѣ, которыя будутъ принадлежать имъ лишь

впослѣдствіи. Произошло нѣчто въ родѣ учета соціалистическаго векселя, по которому заплатитъ исторія. И такой учетъ значительно приблизилъ торжество соціализма.

Пропаганда, собственно такъ называемая, утратила бы всякое историческое значеніе, если бы она не сопровождалась агитаціей. Пропаганда сообщаетъ правильные взгляды десяткамъ, сотнямъ, тысячамъ людей. Но люди, обладающіе правильными взглядами, только тогда становятся историческими дѣятелями, когда они имѣютъ прямое вліяніе на общественную жизнь. А вліяніе на общественную жизнь современныхъ цивилизованныхъ странъ немыслимо безъ вліянія на массу, т. е. безъ агитаціи (въ варварскихъ деспотіяхъ дѣло обстоитъ иначе; тамъ масса не имѣетъ значенія; но не о нихъ мы говоримъ). Слѣдовательно, агитація необходима для всякой партіи, желающей имѣть историческое значеніе. Секта можетъ удовольствоваться пропагандой въ узкомъ смыслѣ слова. Политическая партія — никогда.

Если бы надо было еще выяснять взаимное отношеніе агитаціи и пропаганды, я прибавилъ бы, что пропагандистъ даетъ **много** идей одному лицу или нѣсколькимъ лицамъ, а агитаторъ даетъ **только одну** или **только нѣсколько** идей, за то онъ даетъ ихъ **цѣлой массѣ лицъ**, иногда чуть не цѣлому населенію данной мѣстности. Но исторія дѣлается массой. Слѣдовательно, агитація есть цѣль пропаганды: я веду пропаганду затѣмъ, чтобы имѣть возможность перейти къ агитаціи.

Вернемся, однако, къ нашему примѣру. Мы предположили, что соціалистамъ удалось добиться законнаго восьмичасового дня. Подобное ограниченіе очень выгодно рабочему классу. Когда оно оказывается существующимъ фактомъ, въ этомъ очень скоро убѣждаются даже самые отсталые, самые непонятливые, самые неразвитые рабочіе. И всѣ они знаютъ, что восьмичасовой день введенъ по почину соціалистовъ. Поэтому всѣ, даже самые отсталые рабочіе наглядно убѣждаются

въ томъ, что осуществленіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ соціалистическихъ требованій выгодно для рабочаго класса. А отъ такого сознанія во всякомъ случаѣ несравненно ближе до полнаго сочувствія соціализму, чѣмъ отъ совершеннаго равнодушія къ соціалистической проповѣди. Но пойдемъ дальше. Увеличивая досугъ рабочаго, восьмичасовой день тѣмъ самымъ даетъ ему возможность большаго умственнаго развитія, а, слѣдовательно, и болѣе легкаго усвоенія соціалистическихъ идей. Значитъ и съ этой стороны восьмичасовой день приближаетъ неизбѣжную развязку, „ускоряетъ соціальную революцію".

Вы, конечно, знаете все это не хуже меня, и не для того говорю я о восьмичасовомъ днѣ, чтобы склонить васъ на его сторону. Мой примѣръ помогаетъ мнѣ выяснить не только взаимное отношеніе агитаціи и пропаганды, но и роль такъ называемыхъ ближайшихъ требованій въ соціалистической программѣ. Восьмичасовой день есть именно одно изъ такихъ требованій. На парижскомъ конгрессѣ анархисты горячо возставали противъ него, увѣряя, что его осуществленіе сдѣлало бы рабочихъ менѣе воспріимчивыми къ революціонной пропагандѣ. Вы видите, что это не такъ. Экономическія реформы, подобныя ограниченію рабочаго дня, хороши уже тѣмъ однимъ, что онѣ приносятъ непосредственныя выгоды рабочему, что онѣ улучшаютъ положеніе рабочаго класса или, по меньшей мѣрѣ, препятствуютъ тому ухудшенію его, которое идетъ вмѣстѣ за развитіемъ капитализма. Чтобы стоять за такія реформы достаточно обладать самымъ элементарнымъ чувствомъ человѣчности. Но соціалисты стоятъ за нихъ кромѣ того еще и потому, что осуществленіе каждой изъ нихъ, содѣйствуя росту классового сознанія пролетаріата, ускоряетъ торжество соціализма. Въ этомъ и заключается то, въ высшей степени замѣчательное отношеніе **экономическихъ** требованій къ **идеальнымъ** стремленіямъ, которое составляетъ отличительную черту новѣйшаго соціализма.

Новѣйшій соціализмъ исходитъ, повидимому, изъ са-

мыхъ прозаическихъ соображеній: изъ соображеній о состояніи производства и обмѣна въ данномъ обществѣ. Онъ опирается на экономію. Въ ней ищетъ онъ разгадки всего историческаго развитія человѣчества. На этомъ основаніи несвѣдущіе или неискренніе люди часто упрекаютъ новѣйшихъ соціалистовъ въ грубости помысловъ, въ грязномъ **нравственномъ** матеріализмѣ. „Вы ничего не знаете, кромѣ интересовъ желудка", говорятъ имъ ихъ враги, тѣмъ болѣе склонные забывать о желудочныхъ интересахъ, что ихъ собственные желудки ежедневно получаютъ очень здоровую и очень вкусную пищу. Вы видите, товарищи, что враги соціализма говорятъ ложь, злую и пошлую ложь! Если до сихъ поръ все историческое движеніе человѣчества опредѣлялось ходомъ развитія экономическихъ отношеній; если люди были слѣпыми орудіями еще болѣе слѣпыхъ экономическихъ силъ; если, благодаря этому обстоятельству, они пережили безчисленное множество самыхъ ужасныхъ бѣдствій и пролили цѣлыя моря самой невинной крови, то виноваты-ли въ этомъ соціалисты? Соціалисты только указываютъ явленіе, которое причинено совсѣмъ не ими, а тѣмъ самымъ неумѣньемъ людей стать господами своихъ экономическихъ отношеній, которое доходитъ до апогея въ буржуазномъ обществѣ, и которое исчезнетъ лишь при соціалистическомъ строѣ. Соціалисты говорятъ „только объ экономіи" единственно потому, что **только въ экономіи** современнаго общества видятъ они серьезное препятствіе для **духовнаго** развитія человѣчества. **Идеальный моментъ,** стремленіе содѣйствовать росту сознанія рабочаго класса, — который будетъ спасителемъ всего страждущаго человѣчества, — проходитъ, какъ видите, черезъ всю програму соціалистовъ. Каждое изъ нихъ, повидимому, самыхъ прозаическихъ требованій разсчитано на увеличеніе сознанія пролетаріата, и, конечно, не вина, а счастливѣйшая особенность, величайшая заслуга современнаго соціализма заключается въ томъ, что, содѣйствуя развитію сознанія рабочихъ, онъ въ то же время содѣйствуетъ улучшенію ихъ матерьяльнаго положенія,

выплескиваетъ хоть нѣсколько капель изъ переполненной чаши ихъ страданій.

Идеалъ хорошо откормленнаго рабочаго скота — это идеалъ деспотовъ, а также идеалъ гуманнѣйшихъ изъ буржуа, тѣхъ буржуа, которые искренно хотѣли бы доставить рабочему матерьяльное довольство, не разбивая, однако, висящихъ на немъ цѣпей капитала. У соціалистовъ другой идеалъ! Они гордятся тѣмъ, что если они зовутъ рабочихъ на борьбу противъ экономическаго рабства, то эта же борьба и въ то же самое время оказывается борьбою противъ умственнаго рабства, противъ невѣжества пролетаріата. Вы помните, вѣроятно, товарищи, великія слова великаго писателя: если бы богъ въ одной рукѣ держалъ все знаніе, а въ другой движеніе къ нему, и предоставилъ бы мнѣ выборъ, то я сказалъ бы: творецъ, возьми себѣ всевѣдѣніе, а мнѣ, смертному, оставь величайшее и благороднѣйшее изъ доступныхъ мнѣ наслажденій — познаніе истины, ея открытіе. — Подобно этому, если бы богъ спросилъ современнаго соціалиста, — желаешь ли ты, чтобы я немедленно, безъ всякихъ усилій со стороны страдающаго, человѣчества даровалъ ему экономическое блаженство, то соціалистъ отвѣтилъ бы ему: творецъ, оставь блаженство себѣ, а страдающему и мыслящему человѣчеству, современному пролетаріату, позволь освободиться собственными силами, дай ему возможность придти къ доступному для него счастью путемъ борьбы, развивающей его умъ и возвышающей его нравственность. Завоеванное **такой** борьбой, его счастье будетъ не только несравненно полнѣе: оно будетъ также гораздо **прочнѣе**. Всѣмъ обязанные тебѣ, люди навсегда останутся рабами; „Господь далъ и Господь взялъ", смиренно будутъ твердить они, какъ твердилъ твой вѣрный Іовъ, если ты, подъ вліяніемъ новаго каприза, вздумаешь взять назадъ свои милости. А когда они освободятъ себя **сами**, тогда — не взыщи на рѣзкомъ словѣ, Всевышній! — тогда придетъ конецъ твоей власти, потому что тогда и они будутъ какъ „бози".

Если бы современные буржуа, нападающіе на будто

бы грубую прозу соціалистическихъ стремленій, захотѣли быть послѣдовательными, имъ пришлось бы объявить безнравственнымъ самого Прометея. Прометей похитилъ огонь и далъ его людямъ. Огонь! только огонь! Какая грубость! какая проза! Не ясно ли, что титанъ былъ совершенно чуждъ всякихъ идеальныхъ стремленій? И не очевидно ли, что во всей этой исторіи единственнымъ настоящимъ идеалистомъ былъ Зевсъ, жестоко покаравшій Прометея за его поступокъ? Правда, Зевсъ свирѣпствовалъ только потому, что опасался за прочность своей власти: онъ предвидѣлъ, что употребленіе огня выведетъ людей на путь такого развитія, которое положитъ конецъ ихъ зависимости отъ неба. Но... но все таки Зевсъ былъ идеалистомъ въ истинномъ, **буржуазномъ** смыслѣ слова!

Современный соціализмъ дѣлаетъ какъ разъ такое же дѣло, какое греки приписывали Прометею. Онъ даетъ людямъ то средство, съ помощью котораго они прекратятъ свою зависимость отъ слѣпыхъ стихійныхъ силъ, подчинятъ эти силы власти разума и, такимъ образомъ, достигнутъ небывалаго развитія. Если это грубо и безнравственно, то надо признать, что вся нравственность заключается въ упроченіи рабства и въ усиленіи невѣжества.

Мы знаемъ, товарищи, путь, ведущій соціалистовъ къ ихъ великой цѣли. Онъ опредѣляется немногими словами: **содѣйствіе росту классового сознанія пролетаріата.** Кто содѣйствуетъ росту этого сознанія, тотъ соціалистъ. Кто мѣшаетъ ему, тотъ врагъ соціализма. А кто занимается дѣломъ, неимѣющимъ къ нему непосредственнаго отношенія, тотъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія и къ соціализму. Помня это, мы безъ всякаго труда рѣшимъ наши спеціально-русскія задачи.

Намъ, русскимъ соціалистамъ, надо найти такой способъ дѣйствій, держась котораго мы, во-первыхъ, ни на минуту не переставали бы способствовать росту классового сознанія пролетаріата, т. е. быть соціалистами, а во-вторыхъ, скорѣе побѣдили бы царизмъ, —

т. е., слѣдовательно,—и голодъ, чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ дѣйствій.

Вы согласитесь, товарищи, что если существуетъ способъ дѣйствій, соединяющій въ себѣ эти два преимущества, то онъ безусловно обязателенъ для русскихъ соціалистовъ, и что всякій революціонеръ, отрицающій его, тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ или враждебенъ соціализму, или равнодушенъ къ нему, или *еще* не сталъ соціалистомъ, или *уже* пересталъ быть имъ.

Но существуетъ-ли такой способъ дѣйствій? Не только существуетъ, но я съ увѣренностью говорю, что никакой другой способъ не приведетъ такъ скоро къ побѣдѣ надъ абсолютизмомъ, какъ именно тотъ, который соедняяетъ въ себѣ, связываетъ въ одно неразрывное цѣлое борьбу за политическую свободу съ содѣйствіемъ росту классоваго сознанія пролетаріата.

Представимъ себѣ такой случай. Русская буржуазія убѣдилась, что дальнѣйшее существованіе царизма не принесетъ ей ничего, кромѣ убытковъ. Сначала она болѣе или менѣе робко поговариваетъ о конституціи, а затѣмъ, по французской пословицѣ „аппетитъ приходитъ во время ѣды", она все настоятельнѣе и настоятельнѣе предъявляетъ правительству свои требованія, пока, наконецъ, ея недовольство не разрѣшается открытой борьбой и паденіемъ существующаго правительства. Видя энергію буржуазіи и ея твердую рѣшимость добиться представительнаго правленія, мы пристаемъ къ ней и боремся въ ея рядахъ вплоть до желаннаго дня побѣды. Когда наступаетъ этотъ день, мы подводимъ итогъ своей дѣятельности и находимъ, что, хотя за все время нашего союза съ буржуазіей мы не могли и думать о выясненіи пролетаріату враждебной противоположности его интересовъ съ интересами эксплуататоровъ, но наше дѣло, дѣло соціализма, все-таки очень много выиграло, благодаря принятой нами тактикѣ. Мы завоевали политическую свободу, а она впервые даетъ намъ возможность вести въ широкихъ размѣрахъ соціалистическую пропаганду и агитацію. Слѣдовательно, мы очень хорошо сдѣлали, переставъ на время быть

соціалистами. Наша временная измѣна соціализму на дѣлѣ оказывается самой большой услугой, которую мы только могли оказать ему.

Я спрашиваю васъ, товарищи, вѣрно-ли будетъ подобное разсужденіе?

Оно будетъ вѣрно только при одномъ условіи: если, соединившись съ буржуазіей, мы дѣйствительно ускорили паденіе царизма. Если это такъ, то рѣшительно нечего возразить противъ нашей временной тактики, и соціалисты, осуждающіе ее, сами не знаютъ о чемъ говорятъ, или до такой степени рабски слѣдуютъ буквѣ соціалистическаго ученія, что охотно приносятъ ей въ жертву дѣйствительные успѣхи общественной жизни.

Ну, а если указанное условіе отсутствуетъ? Если принятая нами тактика не ускорила, а замедлила паденіе царизма? Тогда рушится все наше разсужденіе, и мы выходимъ людьми, сдѣлавшими огромную ошибку, которая не только отсрочила торжество политической свободы, но и отдалила насъ отъ пролетаріата; мы оказываемся соціалистами, жестоко поплатившимися за измѣну соціализму.

Есть-ли какая-нибудь возможность напередъ предвидѣть — ускоритъ, или замедлитъ паденіе самодержавія временный отказъ русскихъ соціалистовъ отъ соціализма, т. е. отъ содѣйствія росту классоваго сознанія пролетаріата?

О, да, такая возможность есть, и надо быть слѣпымъ, чтобы не воспользоваться ею.

Въ области политической борьбы, какъ и въ области экономическаго развитія, передовыя страны указываютъ путь отсталымъ. Что-же мы видимъ въ политической исторіи болѣе развитыхъ, чѣмъ Россія, западно-европейскихъ странъ? Можно-ли найти въ ней хоть одинъ примѣръ завоеванія политической свободы силами одной буржуазіи, безъ участія въ этомъ завоеваніи силъ рабочаго класса? Въ ней нѣтъ и тѣни подобнаго примѣра. Всегда и вездѣ, когда и гдѣ буржуазія вступала въ борьбу со „старымъ порядкомъ“, она опиралась на

народъ и болѣе всего, разумѣется, на рабочій классъ, какъ на болѣе образованный и подвижной слой трудящагося населенія. И только благодаря поддержкѣ народа буржуазія успѣвала въ борьбѣ и разрушила невыгодный для нея „старый порядокъ„. При этомъ дѣло происходило обыкновенно такъ, что въ то время какъ народъ боролся съ оружіемъ въ рукахъ и кровью своею платилъ за торжество свободы, буржуазія боролась посредствомъ всякаго рода „ходатайствъ“ и „представленій“. Ея роль была чисто пассивной, она содѣйствовала пораженію правительства больше всего тѣмъ, что парализовала его силы, окруживъ его почти непроницаемой стѣной общаго несочувствія и недовольства. Кто разрушилъ Бастилію? Кто сражался на баррикадахъ въ Іюлѣ 1830 и въ Февралѣ 1848 года? Чье оружіе поразило абсолютизмъ въ Берлинѣ? Кто свергъ Меттерниха въ Вѣнѣ? Народъ, народъ, народъ, т. е. бѣдный, трудящійся классъ, т. е. преимущественно рабочіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ буржуазія представлена была на бранномъ полѣ лишь тѣми своими слоями, которые или занимаютъ самое жалкое мѣсто въ ея средѣ, — напр., мелкіе торговцы и небогатые ремесленники, — или вообще очень мало вліяютъ на общественную жизнь своего класса, — напр., учащаяся молодежь и мелко-буржуазная революціонная „богема“, тогдашняя революціонная „интеллигенція“. Никакими софизмами нельзя вычеркнуть изъ исторіи тотъ фактъ, что рѣшающая роль въ борьбѣ западно-европейскихъ странъ за свое политическое освобожденіе принадлежала *народу* и *только народу*.

Еслибы французской или нѣмецкой „интеллигенціи“ сороковыхъ годовъ кто-нибудь посовѣтовалъ оставить всякую мысль о вовлеченіи народа въ борьбу съ правительствомъ и ограничить свою революціонную роль воздѣйствіемъ на различные слои буржуазнаго „общества“, интеллигенція встрѣтила-бы подобный совѣтъ по меньшей мѣрѣ съ негодующимъ удивленіемъ. Она знала, что на „общество“ плоха надежда. Вѣдь потому революціонная интеллигенція и стремилась къ сближенію съ

народомъ, что не встрѣтила въ „обществѣ" достаточной поддержки своимъ революціоннымъ стремленіямъ.

Слѣдовательно, если бы мы, русскіе соціалисты-революціонеры, рѣшились, „оставивъ на время соціализмъ", сосредоточить всѣ свои помыслы на политической свободѣ, то намъ все-таки невозможно было-бы, подъ страхомъ самаго безславнаго пораженія, отказаться отъ вовлеченія народа въ революціонную борьбу съ царскимъ правительствомъ. Это правительство падетъ только тогда, когда противъ его организованныхъ силъ встанутъ несравненно хуже организованныя, но за то болѣе могучія силы народа. И если бы мы удовольствовались сближеніемъ съ однимъ „обществомъ", или, по буквѣ нашего примѣра, съ одной либеральной буржуазіей, то тѣмъ самымъ отстрочили-бы торжество политической свободы.

Впрочемъ, нѣтъ, — отсрочить его было-бы невозможно; исторія оказалась-бы сильнѣе нашей неразсчетливости. Если бы мы, новые союзники буржуазіи, бывшіе соціалисты, вздумали *избѣгать* революціоннаго воздѣйствія на народъ, и если бы мы даже съумѣли *избѣжать* его, то наша союзница повела-бы себя иначе. Революціонный инстинктъ (вѣдь мы предположили, что она склонилась къ революціонному способу дѣйствій) подсказалъ-бы буржуазіи, что ея сближеніе съ народомъ есть необходимѣйшее условіе побѣды. И она стала-бы искать сближенія съ нимъ, стала-бы стараться повліять на него, стала-бы содѣйствовать развитію его политическаго сознанія. Но, разумѣется, она дѣлала-бы это лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ большой осторожностью, постоянно заботясь о томъ, чтобы политически сознательный пролетаріатъ не доросъ, какъ-нибудь невзначай, до *классового самосознанія*, т. е. до сознанія враждебной противоложности *своихъ* интересовъ съ *ея* интересами. Въ глазахъ буржуазіи пролетаріатъ всегда остается очень опаснымъ чудовищемъ, и когда обстоятельства заставляютъ ее просить у него помощи, она зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не вовсе спала съ его глазъ закрывающая ихъ повязка.

А изъ этого вытекаетъ слѣдующій несомнѣнный выводъ. Если въ періодъ борьбы съ самодержавіемъ буржуазія будетъ единственной политической воспитательницей пролетаріата, то онъ не достигнетъ той степени сознательности и того революціоннаго настроенія, какія свойственны были бы ему въ томъ случаѣ, если бы за его политическое воспитаніе взялись соціалисты.

Другими словами: *содѣйствовать росту классового сознанія пролетаріата значитъ ковать оружіе, наиболѣе опасное для существующаго строя.* Очень плохой совѣтъ даютъ намъ люди, убѣждающіе насъ „на время оставить соціализмъ". Не доктринерство, а самый зрѣлый разсчетъ и самый вѣрный революціонный инстинктъ заставляютъ насъ твердо и неизмѣнно держаться соціализма.

Мы пришли къ этому выводу, предположивъ, что мы послѣдовали доброму совѣту и забыли на время о соціализмѣ. Посмотримъ, не придемъ-ли мы къ тому-же выводу посредствомъ другого предположенія.

Допустимъ, что совѣту „оставить на время соціализмъ" мы не послѣдовали, но не пошли и въ среду пролетаріата. Мы рѣшили, что съ насъ достаточно силъ одной „интеллигенціи", что, разумно употребивъ эти силы, мы не только справимся съ царизмомъ, не только завоюемъ политическую свободу, но въ то же время сдѣлаемъ „соціальную революцію". Куда приведетъ насъ подобное предположеніе?

Я прошу васъ замѣтить, товарищи, что случай, предположенный мною теперь, по существу не отличается отъ перваго, уже разсмотрѣннаго нами случая. Различіе между ними — чисто количественное различіе. Въ первомъ рѣчь шла о соціалистической интеллигенціи, дѣйствующей въ союзѣ съ буржуазіей; во второмъ — она идетъ объ одной соціалистической интеллигенціи. Слѣдовательно, и выводы, вытекающіе изъ разсмотрѣнія каждаго изъ этихъ случаевъ, не могутъ существенно отличаться одинъ отъ другого.

Если для побѣды надъ царизмомъ недостаточно силъ соціалистической интеллигенціи, дѣйствующей въ союзѣ

съ буржуазіей, то еще менѣе могутъ обезпечить такую побѣду силы одной интеллигенціи. Вотъ что приходится сказать прежде всего.

Далѣе. Отказавшись отъ революціоннаго сближенія съ пролетаріатомъ, мы тѣмъ самымъ отказываемся содѣйствовать росту его классового сознанія, т. е. перестаемъ быть соціалистами, т. е. противорѣчимъ себѣ, потому что вѣдь мы рѣшили, что соціалистами намъ слѣдуетъ остаться.

Правда, мы не перестаемъ *называть* себя соціалистами. Но вѣдь я уже сказалъ, что этого мало. Извѣстно, что въ частной жизни человѣкъ можетъ считать и называть себя вовсе не тѣмъ, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности. То же и въ политикѣ; и здѣсь названіе, присвоенное себѣ той или другой партіей, еще ровно ничего не доказываетъ и ровно ни за что не ручается. Если мы, члены данной партіи, называемъ себя соціалистами и даже вполнѣ искренно сочувствуемъ соціализму, то это еще не значитъ, что мы на самомъ дѣлѣ соціалисты. Соціалистами *на дѣлѣ, а не на словахъ,* насъ можно признать только въ томъ случаѣ, если мы дѣлаемъ соціалистическое дѣло, т. е. способствуемъ росту классового сознанія пролетаріата.

Къ тому же и нельзя говорить о соціалистической интеллигенціи какъ о *партіи.* Соціалистическая интеллигенція это — тотъ ферментъ, который, попавъ въ благопріятную (т. е. рабочую) среду, можетъ вызвать въ ней броженіе, которое приведетъ къ возникновенію соціалистической партіи. *Но это и все.* Если соціалистическія идеи не проникли далѣе интеллигенціи, — соціалистическаго движенія *еще нѣтъ.* Соціализмъ „интеллигенціи" это еще не соціализмъ, это только передняя или — если вамъ угодно выражаться болѣе высокимъ слогомъ — преддверіе соціализма. Смѣшно говорить о томъ, что соціалистическая интеллигенціы своими собственными силами сдѣлаетъ „соціальную революцію".

Значитъ, мы опять приходимъ къ знакомому уже заключенію: наша задача, задача русскихъ соціалистовъ,

сводится къ содѣйствію роста классового сознанія русскаго пролетаріата.

И намъ тѣмъ легче рѣшить эту задачу, что, какъ я уже говорилъ во второмъ письмѣ, русскій пролетаріатъ обнаруживаетъ самые недвусмысленные признаки политическаго пробужденія. Политически онъ *уже* переросъ буржуазію. Онъ раньше ея пришелъ къ мысли о полической свободѣ.

Рабочій классъ, въ среду котораго проникла мысль о политической свободѣ, это уже сознательный рабочій классъ. Но пока онъ говоритъ *только* о политической свободѣ, его политическое сознаніе находится еще въ неразвитомъ состояніи, оно еще не стало *классовымъ его сознаніемъ.*

На эту высшую ступень политическаго развитія рабочій классъ поднимается только тогда, когда научается понимать свои особые классовые интересы, свое отношеніе къ буржуазіи, причину своего подчиненія эксплуататорамъ.

Тогда политическая свобода перестаетъ играть въ его глазахъ роль панацеи, способной излѣчить общественный организмъ ото всѣхъ возможныхъ болѣзней. Тогда онъ ставитъ передъ собой задачу своего экономическаго освобожденія, великую цѣль, „**которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство**".*)

Я знаю, товарищи, что есть люди, которымъ почти святотатственнымъ кажется взглядъ на политическую свободу, какъ на средство, служащее для той или иной экономической цѣли. „Насъ оскорбляетъ мысль, что мы можемъ смотрѣть на свободу лишь какъ на орудіе для чего-то другого — писалъ недавно Степнякъ — какъ будто чувства и потребности свободныхъ людей чужды намъ, какъ будто за обязанностями къ народу мы не понимаемъ обязанностей къ самимъ себѣ, къ человѣческому достоинству".**)

---

*) См. написанный Марксомъ уставъ Международнаго Товарищества Рабочихъ.

**) Чего намъ нужно. Лондонъ 1892, стр. 24.

Я очень уважаю Степняка и какъ человѣка, и какъ политическаго дѣятеля. Но тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что онъ ошибается, странно и жестоко ошибается.

Его слова о „нашихъ обязанностяхъ къ народу" показываютъ, что въ приведенныхъ строкахъ онъ обращается къ „интеллигенціи". Станемъ-же и мы на точку зрѣнія русскаго „интеллигента" и посмотримъ, насколько убѣдителенъ доводъ Степняка.

Молодой человѣкъ „изъ интеллигенціи" чрезвычайно сочувствуетъ политической свободѣ. Но онъ еще слишкомъ мало знаетъ; онъ хочетъ учиться, и онъ учится. На вопросъ — „зачѣмъ вы это дѣлаете?" — онъ отвѣчаетъ: „затѣмъ, чтобы запастись умственными силами, необходимыми для служенія свободѣ". Что возразить на такой отвѣтъ? Скажете ли вы благородному юношѣ, что его взглядъ на науку. какъ на средство, унизителенъ, что стремленіе къ свободѣ заглушило въ немъ сознаніе обязанностей по отношенію къ наукѣ, къ „чистой" наукѣ, которая сама себѣ цѣль, которая считается съ человѣческими нуждами, страданіями и идеалами, лишь какъ съ интересными **явленіями**, и которая знать не хочетъ „**обязанностей**" по отношенію къ общественной жизни? Но такъ можетъ говорить только сухой педантъ, только спеціалистъ, „односторонній, какъ флюсъ" Великіе мыслители, любившіе науку любовью всесторонне развитыхъ и богато одаренныхъ людей, никогда не отличались подобной узкостью взгляда. Они знали, что между наукой и жизнью существуетъ тѣснѣйшая, неразрывная, ни для одной изъ нихъ ни мало не унизительную связь, и что чѣмъ болѣе наука служитъ жизни, тѣмъ болѣе жизнь обогащаетъ науку. Они знали, что представленія о „**средствѣ**" и о „**цѣли**" такъ же условны, какъ представленія о „**слѣдствіи**" и о „**причинѣ**". „Причина и слѣдствіе суть представленія, имѣющія значеніе, какъ таковыя, лишь въ примѣненіи къ отдѣльному случаю, но разъ только мы этотъ отдѣльный случай станемъ разсматривать въ его общей связи съ цѣлымъ міромъ, то убѣждаемся, что причина и слѣдствіе

совпадаютъ, что ихъ противоположность исчезаетъ при созерцанiи всемiрнаго взаимодѣйствiя, въ которомъ причина и слѣдствiе постоянно мѣняются мѣстами, и то, что теперь или здѣсь — слѣдствiе, то тамъ или тогда будетъ причиной, и наоборотъ.*) Это обязанъ помнить всякiй мыслящiй человѣкъ, на чемъ бы ни остановился его взглядъ въ данную минуту: на природѣ, на наукѣ, на общественной жизни, или на взаимномъ отношенiи жизни и науки, или, наконецъ, на соотношенiи различныхъ сторонъ общественной жизни. Тотъ, въ чьемъ умѣ разрывается неразрывная въ дѣйствителности взаимная связь явленiй, кто разсматриваетъ ихъ „одно независимо отъ другого, одно послѣ другого", кто накалываетъ ихъ, какъ мертвыхъ козявокъ' на булавки съ неизмѣнными надписями: „причина", „слѣдствiе", „цѣль", „средство" и т. д., и т. д., тотъ превращается въ **метафизика**, и тому и природа, и общественная жизнь на каждомъ шагу подносятъ самые удивительные, самые непостижимые сюрпризы.

Спецiалистъ, воображающiй, что оскорбляетъ науку молодой человѣкъ, запасающiйся знанiями съ цѣлью служенiя дѣлу свободы, ошибается не больше „чистаго политика", спецiалиста политической свободы, который полагаетъ, что унижаютъ ее люди, стремящiеся сдѣлать ее, **политическую** свободу, орудiемъ **полнаго**, всесторонняго освобожденiя пролетарiата. Каждый изъ такихъ спецiалистовъ грѣшитъ тѣмъ, что стремится сдѣлать изъ своей богини безплодную дѣвственницу, посвятившую себя богу.

Но политическая свобода еще менѣе науки можетъ остаться „**христовой невѣстой**". Она не можетъ не служить житейскимъ нуждамъ человѣчества. Кто имѣетъ извѣстныя политическiя права, тотъ не пользуется ими только по неразумiю. Покончивъ съ самодержавiемъ, русская буржуазiя естественно будетъ пользоваться добытыми ею политическими правами всякiй разъ, когда найдетъ полезнымъ пользоваться ими.

*) Фридрихъ Энгельсъ. Развитiе научнаго соцiализма стр. 16 (второй выпускъ Библiотеки Современнаго Соцiализма).

И она будетъ пользоваться ими не только въ томъ отрицательномъ смыслѣ, который имѣютъ обыкновенно въ виду „чистые политики". Она не только будетъ говорить и писать свободно, „не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій", „отъ редакціи" не зависящихъ, она сдѣлаетъ свои политическія права оруціемъ своего экономическаго благосостоянія. Она и заговоритъ-то о политическихъ правахъ только тогда, когда пойметъ важность ихъ, какъ „**средства**". А рабочіе должны вести себя иначе? Они должны спокойно смотрѣть, какъ обдѣлываютъ свои дѣлишки гг. предприниматели, въ рукахъ которыхъ сама свобода превращается въ орудіе эксплуатаціи? Или, можетъ быть, рабочимъ тоже позволительно пользоваться своими правами? А если позволительно, то плохо ли дѣлаютъ люди, старающіеся научить ихъ этому заранѣе? Вѣдь между „чистымъ политикомъ" и соціалистомъ разница только въ томъ и заключается, что первый говоритъ пролетарію (когда находитъ нужнымъ говорить съ нимъ): старайся разбить сковывающія тебя цѣпи рабства, старайся пріобрѣсти политическія права", а второй прибавляетъ: „и умѣй пользоваться ими, умѣй, опираясь на нихъ, дать отпоръ буржуазіи". Вотъ и все. Гдѣ же тутъ обида политической свободѣ? И можетъ ли отъ этого оскорбиться ея честь и помрачиться ея красота?

Степнякъ говоритъ также о „внѣклассовомъ чувствѣ гражданской солидарности, которое существуетъ во всѣхъ передовыхъ странахъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ онѣ культурнѣе".*) Признаюсь, мнѣ не совсѣмъ понятны эти его слова. Но если онъ хочетъ сказать, что борьба пролетаріата съ буржуазіей (или вообще классовая борьба) ослабѣваетъ по мѣрѣ развитія „культурности" то онъ опять очень ошибается. Когда было сильнѣе классовое движеніе нѣмецкаго пролетаріата въ 1890 г., во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ, или тридцать лѣтъ тому назадъ? Я полагаю, что въ 1890 году. Когда было сильнѣе классовое движеніе французскаго

*) Назв. брош., стр. 26.

пролетаріата: въ 1830 году, во время Іюльской революціи, или въ 1871 году, во время Коммуны? Но классовое движеніе пролетаріата — вѣдь это и есть классовая борьба его съ экплуататорами. Что же, стало быть нѣмцы и французы идутъ назадъ, ихъ „культурность" падаетъ? Ничуть не бывало, она постоянно возвышается; постоянно ростущая классовая борьба служитъ однимъ изъ ея проявленій.

Солидарность — великое дѣло, но не солидарность эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами. Работникъ, чувсвующій себя „солидарнымъ" съ предпринимателемъ,— который обогащается путемъ эксплуатаціи его рабочей силы,— **еще не человѣкъ.** Онъ, вѣроятно, станетъ человѣкомъ, но пока онъ — **живая вещь, говорящій инструментъ.** И чѣмъ болѣе пробуждается въ работникѣ чувство человѣческаго достоинства, тѣмъ болѣе возмущаетъ его эта роль живой вещи, нанимаемой хозяиномъ во временное пользованіе, какъ нанимается домъ, снимается участокъ земли. И чѣмъ болѣе возмущаетъ его эта роль, тѣмъ энергичнѣе ведетъ онъ борьбу за свое экономическое освобожденіе, т. е. **классовую борьбу**. И можетъ ли не сочувствовать его борьбѣ кто нибудь, кромѣ самихъ эксплуататоровъ, или людей, ослѣпленныхъ и убаюканныхъ софизмами и жалкими словами, которые въ изобиліи расточаются экслуататорами? Когда мы видимъ на улицѣ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ держитъ другого за горло, мы устремляемся на помощь къ обиженному, мы стремимся разжать пальцы душителя, и никому изъ насъ не приходитъ въ голову обратиться къ удушаемому съ проповѣдью о чувствѣ общечеловѣческой солидарноси, стоящей „выше" такой жалкой прозы, какъ горло, стиснутое желѣзными пальцами, и соединяющей въ одну великую семью всѣхъ людей: и эллиновъ и іудеевъ, и обрѣзанныхъ, и необрѣзанныхъ, и душимыхъ и душителей, и экслуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Самый простой тактъ подсказываетъ намъ, что подобная проповѣдь неумѣстна, смѣшна, неприлична. Но ровно столько же неумѣстна, смѣшна и неприлична она и въ томъ

случаѣ, когда произносится по поводу борьбы пролетаріата съ буржуазіей.

Но довольно объ этомъ. Я полагаю, что не нуждается въ дальнѣйшемъ обоснованіи указанная мною задача соціалистовъ: **содѣйствовать росту классового сознанія пролетаріата.** Я надѣюсь, что наши молодые, дѣйствующіе въ Россіи товарищи, никогда не упустятъ ея изъ виду, и что никогда не смутятъ ихъ ни тѣ софизмы буржуазіи, которые опираются на соображенія о нравственности, ни тѣ, которые опираются на политическій разсчетъ; только фальсифицированная политическая ариѳметика буржуазіи можетъ доказывать (но, какъ мы видѣли, не **доказать**), что невыгоденъ для дѣла свободы трудъ, направленный на пробужденіе работника.

Когда, въ статьѣ „Всероссійское раззореніе" я писалъ, что всѣ честные русскіе люди, т. е. всѣ тѣ, которые не продали царю своей совѣсти, и которые не хотятъ, по выраженію поэта, въ роковое время позорить гражданина санъ, должны агитировать въ пользу созванія земскаго собора, мысль объ отказѣ отъ классовой борьбы была отъ меня дальше, чѣмъ когда бы то ни было. И если, какъ мнѣ пишутъ изъ Россіи, нѣкоторые молодые товарищи съ непріятнымъ для нихъ удивленіемъ увидѣли въ названной статьѣ именно эту мысль, то мнѣ остается только пожалѣть, что предлагаемыя письма не вышли раньше.

Мы, — соціаль-демократы, — марксисты, такъ какъ и нельзя быть соціаль-демократомъ, не будучи послѣдователемъ Маркса. Марксисты **„повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній".** Но они никогда (даже **„на время"**) не отказываются отъ соціализма. Ихъ отношеніе къ „политикѣ" достаточно ясно высказалось уже въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи", который написанъ, какъ извѣстно, еще до революціонныхъ бурь 1848-го года. „Въ Германіи, — писали авторы „Манифеста" — коммунистическая партія (соціаль-демократія того времени)

идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной собственности и мелкаго мѣщанства. **Но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата**". Къ этому слѣдуетъ прибавить, что лишь постольку и могли коммунисты поддерживать **„всякое революціонное движеніе"**, поскольку ихъ собственная дѣятельность въ средѣ пролетаріата собирала его силы вокругъ ихъ знамени. Не поддержанные пролетаріатомъ, они и сами не могли бы никого поддерживать.

Подобно нѣмецкимъ коммунистамъ сороковыхъ годовъ, мы будемъ поддерживать всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго порядка. Но ни одно изъ нихъ, какіе бы размѣры оно ни приняло, не заставитъ насъ спрятать свое собственное знамя. И лишь въ той мѣрѣ будемъ мы желательными и сильными союзниками другихъ, болѣе или менѣе революціонныхъ партій, въ какой съумѣемъ распространить среди русскаго пролетаріата наши, **соціаль-демократическія**, идеи.

Мы не только не хотимъ раствориться въ какой нибудь другой партіи, но, напротивъ, думаемъ, что русскіе соціаль-демократы должны и очень легко могутъ собрать вокругъ своего знамени всѣ тѣ слои русскаго населенія, самое положеніе которыхъ заставляетъ ихъ колебаться **между** буржуазіей и пролетаріатомъ.

Такъ, напримѣръ, демократическіе элементы **„общества"**, стремящіеся къ политической свободѣ, невольно пойдутъ за соціальной демократіей, если только она явится, — а она **обязана** явиться, — самой смѣлой, самой рѣшительной и самой **требовательной** сторонницей политической свободы. Если же тотъ или другой народолюбивый „интеллигентъ" испугается экомическихъ требованій соціаль-демократовъ, то о немъ жалѣть нечего. Такой человѣкъ очевидно будетъ очень

хорошо сознавать враждебную противоположность интересовъ буржуазіи и пролетаріата и... и сочувствовать буржуазіи.

Крестьяне... Но тутъ я долженъ замѣтить, что крестьянство не **классъ**, а **сословіе**. Въ этомъ сословіи есть теперь и богачи („тысячники") и бѣдняки (деревенская „голь", „кочевые народы"), и эксплуататоры и ихъ жертвы, словомъ, люди, принадлежащіе къ различнымъ общественнымъ **классамъ**. Разумѣется, сельская буржуазія не станетъ сочувствовать соціаль-демократамъ, но сельскій пролетаріатъ всегда былъ и будетъ естественнымъ союзникомъ городского. Точно также и бѣдные крестьяне (а такихъ большинство) непремѣнно пойдутъ за соціаль-демократами, если только тѣ не пожелаютъ оттолкнуть ихъ, что, конечно, невозможно.

Я знаю, что многихъ удивятъ эти слова. Поэтому я объяснюсь подробнѣе и сначала буду разсуждать въ томъ предположеніи, что уже состоялось созваніе Земскаго Собора.

Какъ уже сказано, буржуазія подъ страхомъ собственнаго раззоренія должна будетъ подумать объ участи „меньшей братіи". Ея представители вынуждены будутъ заняться на Соборѣ **крестьянскимъ вопросомъ**. Положимъ, что поднимается рѣчь объ уменьшеніи выкупныхъ платажей. Что сдѣлаютъ соціаль-демократы? Непримиримые и неутомимые революціонеры, они ведутъ безпрерывную агитацію; они громятъ однихъ, будятъ другихъ; они обличаютъ скаредность буржуазіи, они „идутъ въ народъ" и убѣждаютъ крестьянъ, что ихъ обманываютъ, ихъ грабятъ буржуазные депутаты, не рѣшающіеся **совсѣмъ отмѣнить** выкупные платежи. А къ чему приведетъ такая агитація? Крестьянинъ скажетъ, что соціаль-демократы совершенно правы, и если онъ уже раньше не голосовалъ за ихъ кандидата, онъ подастъ за него голосъ въ слѣдующій разъ. Впрочемъ, можетъ случиться, что онъ и не станетъ дожидаться слѣдующихъ выборовъ; можетъ случиться, что народъ, какъ говорили во время Великой Революціи, **очиститъ** Земскій Соборъ новымъ революціоннымъ взмахомъ своей

руки. Но и въ такомъ случаѣ онъ будетъ дѣйствовать подъ руководствомъ соціаль - демократовъ. — Или представимъ себѣ, что Соборъ разсуждаетъ о подоходномъ налогѣ. Представители буржуазіи видятъ, что необходимо облегчить давящее крестьянина податное бремя; соціаль-демократы опять бьютъ тревогу. Они требуютъ прогрессивнаго налога, отъ котораго совершенно была бы избавлена небогатая часть населенія. Что возразитъ бѣдный крестьянинъ противъ ихъ требованій? Помилуйте, какія тутъ возраженія! Онъ скажетъ, что оно совершенно разумно, и онъ перейдетъ на сторону соціаль-демократовъ, если не сдѣлалъ этого раньше. — Положимъ, наконецъ, что на Соборѣ заговорили объ увеличеніи крестьянскихъ надѣловъ. Буржуазные представители надѣются все уладить незначительными прирѣзками. Но соціаль-демократы и тутъ не оставляютъ ихъ въ покоѣ. Они добиваются **полной экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ** и обращенія земли въ **національную собственность.** Неужели крестьяне хоть однимъ словомъ осудятъ ихъ поведеніе?

Вы видите, товарищи, какое страшное, какое могучее революціонное оружіе представляетъ собою классовая борьба въ рукахъ соціаль-демократовъ, т. е. въ рукахъ единственной партіи, ни мало не боящейся ея неизбѣжныхъ послѣдствій. Революціонеры прежнихъ временъ лишь постольку и были революціонерами, поскольку опирались на классовую борьбу. Но они не сознавали ея значенія и часто, почерпая изъ нея всю свою силу, они осуждали ее въ своей политической проповѣди. Соціаль-демократы поняли значеніе классовой борьбы, и въ этомъ ихъ заслуга, въ этомъ ихъ сила, въ этомъ ручательство за ихъ побѣду.

Преувеличенныя надежды всегда опасны. Соціаль-демократы не должны думать, что имъ легко будетъ предупредить предсказываемую Энгельсомъ экспропріацію крестьянства. Вѣрнѣе всего, что это имъ не удастся. Но отвѣтственность падетъ за это **не на нихъ**, а послѣдствія этого послужатъ опять таки **имъ на пользу.** Соціаль-демократы не упустятъ случая предупредить

крестьянина на счетъ грозящей ему опасности, и если опасность все таки его настигнетъ, онъ пойметъ, что долженъ винить только самого себя: если бы онъ во-время поддержалъ соціаль-демократовъ, дѣло приняло бы другой оборотъ: безъ земли оказались бы не бѣдные крестьяне, а гг. крупные землевладѣльцы. Впрочемъ, земля такъ мало приносила радостей бѣднымъ крестьянамъ, что многіе изъ нихъ растанутся съ ней безъ тѣни огорченія. И эти многіе уже прямикомъ пойдутъ въ политическій лагерь революціоннаго пролетаріата. Выше мы выяснили себѣ вѣроятное политическое настроеніе экспропріаторовъ. Теперь легко понять вѣроятное настроеніе тѣхъ, которые будутъ экспропріированы.

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ вы видите, товарищи, что ближайшія экономическія требованія соціаль-демократовъ имѣютъ на первый взглядъ очень странное свойство: они и опредѣленны, и неопредѣленнывъ одно и то же время. Они гораздо менѣе опредѣленны, чѣмъ требованія, напр., такого чаловѣка, который разъ навсегда рѣшилъ, что уничтоженіе выкупныхъ платежей и увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ избавитъ Россію отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ и напастей. Соціаль-демократы не говорятъ ничего подобнаго. У нихъ нѣтъ ни капли вѣры въ мелко-буржуазныя панацеи. Они не продаютъ цѣлебныхъ пилюль, не прописываютъ единоспасающихъ рецептовъ. Они говорятъ народной массѣ: „бей твоихъ эксплуататоровъ по ихъ длиннымъ, загребущимъ рукамъ, и бери все, что сможешь взять въ каждое данное время". Это, конечно, неопредѣленно, потому что нельзя сказать напередъ, что же именно сможетъ взять народъ въ такое то именно время. Но съ другой стороны это вполнѣ **опредѣленно**: не довольствоваться никакими уступками со стороны высшихъ классовъ; всегда ставить передъ народомъ максимумъ тѣхъ революціонныхъ требованій, до которыхъ онъ доросъ въ настоящее время; неустанно вести его впередъ, впередъ и впередъ на завоеваніе непріятельской территоріи; не класть меча въ ножны до тѣхъ поръ, пока не будетъ она занята вся до послѣдней пяди, — что

можетъ быть опредѣленнѣе такой программы? Если она грѣшитъ чѣмъ либо, то развѣ слишкомъ большой опредѣленностью. Въ ней нѣтъ ни широковѣщательныхъ фразъ, ни подслащенныхъ недомолвокъ, предназначенныхъ для примиренія непримиримыхъ, для установленія братства между волками и овцами. Коротко, рѣшительно и ясно указывается въ ней не только окончательная цѣль — **полное экономическое освобожденіе трудящихся** — но и ведущее къ ней средство — **непрерывная и непримиримая борьба классовъ.** Партія, усвоившая эту программу, не потеряется ни при какихъ обстоятельствахъ: она всегда съумѣетъ формулировать соотвѣтствующія данной минутѣ экономическія требованія, а главное, она никогда не даетъ массѣ успокоиться на этихъ требованіяхъ, она научитъ ее ставить новыя, все болѣе и болѣе широкія требованія, она заразитъ ее духомъ борьбы, духомъ революціи...

Мы предположили, что уже состоялось созваніе Земскаго Собора. Посмотримъ теперь, какъ намъ добиваться его созванія.

Ведя соціалистическую пропаганду въ рабочихъ кружкахъ, мы тѣмъ самымъ выясняемъ рабочимъ великое значеніе политической свободы. Всякій рабочій-соціалистъ непремѣнно будетъ горячимъ ея сторонникомъ. И понятно, что всѣ соціалистическіе рабочіе кружки такъ же охотно высказались бы за созваніе Земскаго Собора, какъ и революціонная „интеллигенція". Но само по себѣ это еще не привело бы ни къ чему. Исторія дѣлается не кружками, а массами. Рабочіе-соціалисты будутъ наилучшими руководителями революціонной массы, самыми надежными офицерами и унтеръ-офицерами революціонной арміи. Но откуда возьмется такая армія? Ея не создашь кружковой пропагандой.

Вы знаете, товарищи, что это послѣднее замѣчаніе намъ часто приходится слышать отъ своихъ противниковъ. Оно является даже главнымъ возраженіемъ противъ нашей программы. „Вы утверждаете, что для побѣды надъ правительствомъ нужна сильная революціонная армія, — говорятъ намъ. Это справедливо. Но

ваша прапаганда между рабочими такой арміи не создастъ. Пропаганда сама приметъ сколько нибудь широкіе размѣры только при конституціи. Поэтому, въ настоящее время она безполезна".

Такой доводъ замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что люди, выдвигающіе его противъ насъ, не видятъ, въ какое странное противорѣчіе попадаютъ они сами. Пока нѣтъ политической свободы, нельзя создать и революціонной арміи въ рабочей средѣ; но пока нѣтъ такой арміи, не будетъ и политической свободы. Это настоящій заколдованный кругъ, изъ котораго, повидимому, только и есть одинъ выходъ: въ бездѣятельность, въ полное, безнадежное „разочарованіе".

Однако, при нѣкоторомъ вниманіи неразрѣшимое на первый взлгядъ противорѣчіе очень легко разрѣшается. Что явилось раньше: курица, или яйцо? Курица могла развиться только изъ яйца; а съ другой стороны, яйцо было снесено курицей. До сихъ поръ есть мудрецы, могущіе разрѣщить это противорѣчіе только ссылкой на Творца, создавшаго **куръ** въ такой то день творенія. Но наука не довольствуется ссылками на Творца. Она аппелируетъ къ ученію о **развитіи**, съ помощью котораго легко разрѣшаются теперь всѣ мнимыя противорѣчія, еще недавно смущавшія метафизиковъ, думавшихъ, что нынѣшніе животные виды явились въ одинъ прекрасный день совершенно готовыми, законченными и неизмѣнными. Не то ли самое и въ политикѣ? Не разрѣшитъ ли и здѣсь ученіе о развитіи всѣхъ тѣхъ противорѣчій, предъ которыми въ искреннемъ недоразумѣніи останавливаются революціонеры-метафизики?

Если бы въ то время, когда мы занимаемся соціалистической пропагандой между рабочими, Россія стояла на одномъ мѣстѣ, то столь же неизмѣннымъ оставалось бы и взаимное отношеніе общественныхъ силъ въ нашей странѣ. Черезъ десять, двадцать, тридцать лѣтъ самодержавіе было бы такъ же сильно и прочно, какъ было оно при началѣ нашей прропаганды: то обстоятельство, что его ненавидило бы нѣсколько тысячъ „спропагандированныхъ" рабочихъ уменьшило бы его

прочность лишь на безконечно малую величину, которая не имѣла бы ни малѣйшаго практическаго значенія. Но остаются ли неизмѣнными общественныя отношенія Россіи? Мы видѣли, что они очень быстро измѣняются. Вмѣстѣ съ ними измѣняется, стало быть, и взаимное отношеніе общественныхъ силъ. Самодержавіе слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ разлагается и разрушается взростившая его историческая почва. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе крѣпнутъ тѣ силы, столкновеніе съ которыми приведутъ его къ гибели. Это значитъ, что пока наша пропаганда выработываетъ **революціонеровъ**, исторія создастъ необходимую для ихъ дѣятельности **революціононную среду**, пока мы готовимъ руководителей революціонной массы, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ революціонной арміи, —сама эта армія создается неотвратимымъ ходомъ общественнаго развитія. Но въ такомъ случаѣ можно ли говорить о безплодности, о непроизводительности нашей дѣятельности? Не оказывается ли она, напротивъ, безусловно необходимой и единственно-плодотворной съ революціонной точки зрѣнія?

Съ другой стороны — ясно, что пока „спропагандированныя" нами **личности** не имѣютъ прямого революціоннаго вліянія на **массу**, онѣ являются ея руководителями только **въ возможности**. Чтобы стать **дѣйствительными** ея руководителями, онѣ должны вліять на нее въ революціонномъ смыслѣ.

Тутъ то и вступаетъ въ свои права **агитація**. Благодаря ей, устанавливается и укрѣпляется необходимая связь между „героями" и „толпой", между массой и ея вожаками. И чѣмъ натянутѣе становится положеніе дѣлъ, чѣмъ болѣе шатается старое общественное зданіе чѣмъ быстрѣе приближается революція, тѣмъ важнѣе становится агитація. Ей принадлежитъ главная роль въ драмѣ, называемой **общественнымъ переворотомъ**.

Отсюда слѣдуетъ, что если русскіе соціалисты хотятъ сыграть дѣятельную роль въ предстоящей русской революціи, они должны умѣть быть **агитаторами**.

Это необходимо. Но это не легко. Дѣло агитатора

заключается въ томъ, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ пустить въ обращеніе максимумъ революціонныхъ идей, доступныхъ для массы. За всякую ошибку въ ту или другую сторону агитатора ждетъ жестокое наказаніе. Если онъ преувеличилъ революціонное настроеніе массы, онъ въ лучшемъ случаѣ останется непонятымъ, а можетъ быть его осмѣютъ, даже изобьютъ. Если же, наоборотъ, онъ, по излишней осторожности, выставитъ передъ массой такія требованія, которыя она уже переросла въ своемъ быстромъ революціонномъ развитіи, онъ попадетъ въ нелѣпое положеніе агитатора-тормаза, агитатора, внушающаго толпѣ „умѣренность и аккуратность". Въ умѣньи избѣжать подобныхъ крайностей заключается вся ловкость агитатора. Но если онъ обладаетъ такою ловкостью, ему нечего бояться неудачи. Его дѣло идетъ какъ бы само собою. Вы можете, пожалуй, сказать, что онъ ничего не даетъ массѣ: онъ только сообщаетъ вполнѣ сознательное выраженіе уже готовому ея настроенію, не совсѣмъ ясному для нея самой. Но въ этомъ-то и заключается тайна его вліянія, залогъ его дальнѣйшихъ успѣховъ. Видя въ его словахъ лишь выраженіе своихъ собственныхъ стремленій, масса охотно идетъ за нимъ. И если только не устранены причины ея революціоннаго настроенія, она даже сама толкаетъ впередъ агитатора. Освоившись съ тѣмъ, что еще вчера пугало ее своей смѣлостью и новизною, она немедленно идетъ дальше, склоняясь къ болѣе смѣлымъ требованіямъ. И такимъ образомъ, воспитываемая своимъ собственнымъ опытомъ, увлекаемая своимъ собственнымъ движеніемъ, ободряемая своимъ собственнымъ успѣхомъ, она постепенно, но за то непремѣнно становится болѣе и болѣе революціонной, пока не нанесетъ, наконецъ, однимъ рѣшительнымъ движеніемъ смертельнаго удара существующему порядку. А когда разлетится ветхое, подточенное и расшатанное исторіей зданіе этого порядка, передъ ней откроются новыя задачи, ей надо будетъ получше устроиться на новосельи, не попадаясь въ сѣти политическихъ эксплуататоровъ, льстецовъ и обманщиковъ. Тогда услуги

и указанія ея преданныхъ друзей-агитаторовъ будутъ для нея не менѣе важны, чѣмъ прежде, въ разгарѣ борьбы со старымъ порядкомъ.

Ораторы родятся, гласитъ извѣстная поговорка. Агитаторы тоже „родятся", и никакая наука не замѣнитъ врожденнаго агитаторскаго таланта. Нельзя вести агитацію по данному шаблону. Но это не мѣшаетъ вдумываться въ ея значеніе и готовиться къ ней всѣми зависящими отъ насъ способами въ такое время, когда можно предвидѣть, что скоро откроется широкое поле для агитаціонной дѣятельности.

Необходимымъ условіемъ этой дѣятельности является сплоченіе уже готовыхъ революціонныхъ силъ. Кружковой пропагандой могутъ заниматься люди ничѣмъ не связанные между собою, даже не подозрѣвающіе существованія одинъ другого. Конечно, отсутствіе организаціи всегда отзывается и на пропагандѣ, но оно не дѣлаетъ ея невозможной. Въ эпохи же сильнаго общественнаго возбужденія, когда политическая атмосфера насыщена электричествомъ и когда то здѣсь, то тамъ, по самымъ различнымъ, самымъ непредвидѣннымъ поводамъ происходятъ все болѣе и болѣе частыя вспышки, свидѣтельствующія о приближеніи революціонной бури, короче, когда надо агитировать, или оставаться за флагомъ,—въ такія эпохи **только организованныя** революціонныя силы могутъ имѣть серьезное вліяніе на ходъ событій. Отдѣльная личность становится тогда безсильной, революціонное дѣло оказывается по плечу только единицамъ высшаго порядка: **революціоннымъ организаціямъ.**

Организація—это первый и неизбѣжный шагъ. Какъ бы ни были незначительны готовыя революціонныя силы современной Россіи, онѣ сразу удесятерятся, благодаря организаціи. Сосчитавъ свои силы и распредѣливъ ихъ какъ слѣдуетъ, революціонеры принимаются за дѣло. Во всѣхъ слояхъ населенія они, посредствомъ устной и печатной пропаганды, распространяютъ правильный взглядъ на причины нынѣшняго голода. Тамъ, гдѣ масса еще не созрѣла для пониманія ихъ проповѣди,

они даютъ ей, такъ сказать, предметные уроки. Они являются всюду, гдѣ она протестуетъ, они протестуютъ вмѣстѣ съ нею, они уясняютъ ей смыслъ ея собственнаго движенія и тѣмъ увеличиваютъ ея революціонную подготовку. Такимъ образомъ стихійныя движенія массы постепенно сливаются съ сознательнымъ революціоннымъ движеніемъ, и мысль о необходимости созванія Земскаго Собора становится болѣе и болѣе популярной: русскій народъ болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что ему необходимо вырвать свою судьбу изъ рукъ царскихъ чиновниковъ.

Это одна сторона дѣла. Съ другой стороны надо, чтобы, возставъ противъ существующаго порядка, народъ завоевалъ **политическія права для себя,** а не **политическія привилегіи для своихъ эксплуататоровъ.** Надо, чтобы Земскій Соборъ былъ всенароднымъ соборомъ, чтобы трудящаяся масса могла послать на него **своихъ** представителей, чтобы избирателями и избранными могли быть всѣ совершеннолѣтніе русскіе граждане. **Всеобщее прямое избирательное право** — вотъ первое и самое главное политическое требованіе русскихъ соціалистовъ. Не добившись его исполненія, они тѣмъ менѣе будутъ въ состояніи добиться исполненія другихъ своихъ требованій, находящихся съ нимъ въ тѣснѣйшей связи: свободы слова, собраній, союзовъ, стачекъ и т. д. и т. д.

Агитаторы должны сдѣлать массу сторонницей каждаго изъ этихъ требованій.

Но изъ какой среды будутъ выбраны представители народа на Соборѣ? Вѣдь всеобщее прямое избирательное право вовсе не ручается за то, что рабочіе не выберутъ своихъ хозяевъ, бѣдные крестьяне — кулаковъ или помѣщиковъ, вообще—эксплуатируемые эксплуататоровъ. Всеобщее избирательное право — это обоюдоострый мечъ, который легко можетъ направить противъ насъ правительство или буржуазія. Какъ отразить ихъ удары?

Рабочій не станетъ голосовать за своего хозяина только тогда, когда онъ сознаетъ враждебную проти-

воположность, существующую между его экономическими интересами съ одной стороны и интересами хозяина съ другой. Какъ только онъ сознаетъ ее, онъ не захочетъ быть политическимъ орудіемъ эксплуататора, онъ постарается дать **политическое** выраженіе своимъ **экономическимъ** нуждамъ, онъ подастъ голосъ за **соціалиста.**

Бѣдный крестьянинъ не станетъ голосовать за кулака, помѣщика, или правительственнаго кандидата только тогда, когда соціалистическая рабочая партія, — выставивъ извѣстныя экономическія требованія, въ родѣ указанныхъ выше для примѣра, — покажетъ ему, что существуетъ тѣсная связь между его интересами и нитересами революціоннаго пролетаріата.

Слѣдовательно, мы опять приходимъ къ тому, ужъ знакомому намъ выводу, что наша политическая агитація принесетъ для насъ плоды только въ томъ случаѣ, если она будетъ **содѣйствовать росту классового сознанія русскаго пролетаріата.**

Классовое сознаніе пролетаріата — это тотъ щитъ, отъ котораго отлетятъ, какъ горохъ отъ стѣны, всѣ стрѣлы враждебныхъ намъ партій.

Кончаю. Я откровенно изложилъ наши взгляды на задачи русскихъ соціалистовъ въ борьбѣ съ причинами голода въ Россіи и надѣюсь, что теперь невозможны никакія недоразумѣнія на ихъ счетъ. Тѣхъ, которые согласятся съ ними, я привѣтствую, какъ товарищей, а тѣмъ, которые найдутъ ихъ слишкомъ „крайними“, я напомю, что мы соціалисты, а въ глаззхъ соціалистовъ умѣренность вовсе не заслуга.

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что откровенное изложеніе нашихъ взглядовъ несвоевременно, такъ какъ оно способно запугать либераловъ. На это я отвѣчу вотъ что: съ нашей стороны нелѣпо было бы умышленно запугивать ихъ; но если они испугаются насъ какъ нибудь невзначай, помимо нашей воли, то намъ остается только пожалѣть объ ихъ совершенно ужъ „несвоевременной“ пугливости. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ самымъ вреднымъ родомъ запугиванія — запугиваніе со-

ціалистовъ призракомъ запуганнаго либерала. Вредъ, приносимый такимъ запугиваніемъ несравненно больше той пользы, которую могло бы принести убѣжденіе гг. либераловъ въ нашей умѣренности и аккуратности.

———

P. S. Мнѣ только что передали письмо, изъ котораго я еще разъ вижу, что статья *„Всероссійское раззореніе“* была плохо истолкована русскими читателями.

„Какъ вы думаете достичь поставленныхъ себѣ задачъ, вродѣ сбора 300 милліоновъ рублей, которыхъ не даетъ Вышнеградскій? — спрашиваетъ меня живущій въ Россіи читатель. — Или, что вы понимаете подъ возстановленіемъ раззореннаго крестьянскаго хозяйства? На какихъ началахъ: мелкаго землевладѣнія или общины? Тогда какъ согласить это съ „Нашими Разногласіями“?“

На первый изъ этихъ вопросовъ можно было бы отвѣтить очень кратко: у Земскаго Собора *непремѣнно и во всякомъ случаѣ* будутъ всѣ тѣ средства, которыя понадобятся для помощи голодающимъ, и которыхъ нѣтъ и не можетъ быть въ распоряженіи царскаго правительства. Но такой отвѣтъ подалъ бы поводъ къ новымъ недоразумѣніямъ, поэтому я выскажусь подробнѣе.

Что означало бы созваніе Земскаго Собора? То же самое, что означало созваніе генеральныхъ штатовъ въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи: признаніе правительствомъ своей несостоятельности, уступку, вырванную у него неотвратимымъ ходомъ историческихъ событій, *прологъ революціи*. Разъ былъ бы созванъ Земскій Соборъ, судьба Россіи фактически тотчасъ же перешла бы изъ рукъ царя въ руки новаго, революціоннаго правительства, а революціонное правительство лишь постольку и было бы дѣйствительно революціоннымъ, лишь постольку и поднялось бы на высоту своей задачи, поскольку оно съумѣло бы преодолѣть тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ *царскому* правительству предпринять

что нибудь полезное для голоднаго народа. Если собравшіеся на соборъ представители не съумѣютъ рѣшить эту задачу, ихъ снесетъ волна революціоннаго движенія, которая поставитъ the right men on the right place (настоящихъ людей на настоящее мѣсто), и которая создастъ, наконецъ, правительство, способное побороться съ обстоятельствами. Для правительства, которое будетъ заслуживать названіе *революціоннаго правительства*, легко будетъ достать даже не такую бездѣлицу какъ 300 милліоновъ рублей (эту цифру я взялъ для примѣра и заранѣе оговорилъ, что она не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ размѣрамъ народной нужды), а сумму несравненно большую. Ему достаточно будетъ правильно распорядиться казенными и удѣльными имѣніями и наложить руку на огромныя богатства нашихъ монастырей, чтобы справиться съ бѣдою.

Второй вопросъ: что понимаемъ мы подъ возстановленіемъ въ конецъ разстроеннаго крестьянскаго хозяйства? Возстановить крестьянское хозяйство значитъ, какъ я уже говорилъ выше, дать русскому земледѣльцу возможность сѣять *хлѣбъ*, а не *голодъ*. И это непремѣнно надо сдѣлать, и это непремѣнно будетъ сдѣлано, потому что иначе погибла бы Россія, а въ ней слишкомъ много жизненныхъ силъ, чтобы она могла теперь погибнуть: она спасетъ себя революціей. — „На какихъ началахъ" состоится возстановленіе крестьянскаго хозяйства? Мы не беремся съ увѣренностью предсказывать это, хотя вѣрнѣе всего, что правъ Энгельсъ, думающій, что крестьянскія земли перейдутъ въ руки новой буржуазіи. Но не менѣе вѣрно и то, что въ разгарѣ революціоннаго движенія у крестьянъ можетъ явиться желаніе придать дѣлу другой оборотъ: обезпечить себѣ настоящую, а не на бумагѣ только фигурирующую поземельную собственность. И мы непремѣнно будемъ поддерживать крестьянъ въ такомъ ихъ намѣреніи. Мы постараемся повести ихъ дальше, вплоть до экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ. А что изъ этого выйдетъ? Выйдетъ могучее революціонное движеніе, отстраниться отъ котораго значило бы измѣнить

принципамъ соціализма. Ну, а если крестьяне, отнявъ земли у крупныхъ землевладѣльцевъ, передѣлятъ ихъ между общинами? „И въ томъ не вижу я бѣды". Но какъ согласить это съ „Нашими Разногласіями"? Согласить очень легко, потому что на самомъ дѣлѣ и соглашать-то рѣшительно нечего.

Соціалисты-утописты, въ Россіи какъ и во всемъ свѣтѣ, думали, что отъ нихъ зависитъ заставить исторію идти въ ту, или въ другую сторону. По вопросу объ общинѣ русскіе соціалисты-утописты разсуждали такъ: община хорошее дѣло; ее надо поддержать; *слѣдовательно*, мы ее поддержимъ. Могли быть и другіе утописты, которые сказали бы: община тормозитъ наше общественное развитіе; ее надо устранить; *слѣдовательно*, мы устранимъ общину. Соціаль-демократы разъ навсегда распростились съ утопіями; они сказали себѣ и другимъ: ходъ общественнаго развитія опредѣляется не симпатіями той или другой группы людей къ тому или другому общественному учрежденію, а соотношеніемъ общественныхъ силъ, отъ котораго въ послѣднемъ счетѣ зависитъ самая прочность вышеуказанныхъ симпатій. Не отъ насъ зависитъ измѣнить ходъ экономической исторіи Россіи. Но мы можемъ *понять* его и, сильные своимъ пониманіемъ, явиться сознательными революціонными дѣятелями. Народники плачутъ о томъ, что община разлагается. Они не видятъ того, что разложеніе общины создаетъ новую общественную, *революціонную* силу, которая приведетъ насъ и къ политической свободѣ, и къ соціализму. Сила эта — пролетаріатъ, съ которымъ мы должны прежде всего сблизиться. Вотъ и все. И все это было сказано въ „Нашихъ Разногласіяхъ". Но, высказывая все это, я не говорилъ, что если бы съ крестьянской земли было свалено податное бремя и если бы увеличены были крестьянскіе надѣлы, то процвѣла бы община, окоторую разбилось бы наше соціаль-демократическое движеніе. Говоря это, я показалъ бы, что я такой же утопистъ, какъ и мои противники. Въ „Нашихъ Разногласіяхъ" я старательно указывалъ читателямъ на тѣ факты, что община раз-

лагается всего скорѣе именно тамъ, гдѣ землею дорожатъ, т. е. тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство поставлено въ сколько нибудь благопріятныя условія. Слѣдовательно, я *ни въ какомъ случаѣ* не могъ и не могу бояться возстановленія крестьянскаго хозяйства, произойдетъ ли оно на началахъ личнаго, или на началахъ общиннаго землевладѣнія. Да и вообще, мы, соціаль-демократы, какъ это прекрасно сказалъ Либкнэхтъ, *никого и ничего не боимся.* Есть люди, которые, не будучи въ состояніи вдуматься въ ходъ общественнаго развитія, меланхолически твердятъ: „исторія идетъ невѣроятными путями“. Говоря это, они тѣмъ самымъ допускаютъ, что ихъ „программа“ можетъ придти въ противорѣчіе съ исторіей. Они изображаютъ собой птичку, которая робко озирается по сторонамъ, ожидая, что вотъ-вотъ, неизвѣстно съ какой стороны, кинется на нее кошка-исторія и съѣстъ ее вмѣстѣ съ „идеалами“, такъ что и отъ нея самой, и отъ „идеаловъ“ останутся только пухъ и перья. Соціаль-демократы ни мало не боятся такихъ сюрпризовъ. Для нихъ въ ходѣ исторіи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Ихъ программа есть сознательное выраженіе безсознательнаго хода общественнаго развитія. Они спокойно и увѣренно смотрятъ въ будущее. Они глубоко и вполнѣ основательно убѣждены, что какъ бы ни пошли событія, а у нихъ, у соціаль-демократовъ, всегда будетъ возможность плодотворной работы, и что всякое серьезное общественное движеніе непремѣнно и неизбѣжно приближаетъ ихъ къ ихъ великой цѣли.

Повторяю, на какихъ бы началахъ ни произошло возстановленіе крестьянскаго хозяйства, оно ни въ какомъ случаѣ не поставитъ насъ въ затруднительное положеніе, и ни въ какомъ случаѣ интересы соціальной демократіи не пойдутъ въ разрѣзъ съ интересами трудящейся массы: *ни въ городѣ ни въ деревнѣ.*

———

ОПЕЧАТКИ.

Въ эпиграфѣ перваго письма напечатано: una parte immensa rivoluzione sociale.... Должно быть: una parte d e l l a immensa rivoluzione sociale.

Стр. 18, строка 13. Напечатано: неурожаевъ; должно быть: у р о ж а е в ъ.

Получено изъ Парижа на изданіе брошюры „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“ 34 ф. 30 с.; изъ нихъ: отъ Мхъ 2ф., Бр-ій 2 ф., Кцъ 2 ф., Бъ 2 ф. и 1 ф., Съ 1 ф., В. 3 ф., Ин. 1 ф. 50 с., Г. 2 ф., И. 2 ф.

